

Геннадий Красухин

**Мои
литературные
СВЯТЦЫ**

квартал 1

Геннадий Красухин

Мои литературные святцы

«Издательские решения»

Красухин Г.

Мои литературные святцы / Г. Красухин — «Издательские решения»,

Автор этой книги потому и обратился к форме литературного календаря, что практически всю жизнь работал в литературе: больше 40 лет в печатных изданиях, четверть века преподавал на вузовской кафедре русской литературы. Разумеется, это сказалось на содержании книги, которая, сохраняя биографические данные её героев, подчас обрисовывает их в свете приглядных или неприглядных жизненных эпизодов. Тем более это нетрудно было сделать автору, что со многими литераторами он был знаком.

Содержание

От автора	6
Январь	7
1 января	7
2 января	11
3 января	13
4 января	20
5 января	23
6 января	25
7 января	29
8 января	31
9 января	41
10 января	44
11 января	48
12 января	50
13 января	55
14 января	57
15 января	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мои литературные святцы квартал 1

Геннадий Красухин

© Геннадий Красухин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Эта книга выросла из фейсбучных календарных заметок. Сперва мне показалось, что интересно было бы давать к знаменательной дате писателя какое-нибудь его стихотворение или отрывок из какого-либо его произведения.

Но потом мне самому интересней стало рассказывать о том, каким я знал того или иного писателя или каким он мне представляется, чем он обогатил литературу и, стало быть, необходим читателю.

Тем более что больше 40 лет я работал в периодической печати.

Хотелось, конечно, рассказать и о зарубежных писателях, и о художниках, о музыкантах, но когда пришла пора собирать книгу, оказалось что всё объять невозможно. Одной только русской литературы набралось материалов так много, что пришлось разбить книгу на четыре части – по кварталам.

Я благодарен многим моим друзьям по фейсбуку за замечания и исправления, которые они вносили в мой текст. Особая благодарность – Евгению Юрьевичу Сидорову, Владимиру Ивановичу Новикову, Марату Рустамовичу Гизатулину.

Январь

1 января

Анатолий Владимирович Жигулин (родился 1 января 1930 года) пришёл в «Литературную газету», рекомендованный Леонардом Иллариновичем Лавлинским, инструктором ЦК КПСС, бывшим коллегой Евгения Алексеевича Кривицкого, который перешёл к нам из ЦК на должность зама главного редактора – куратора первой тетрадки газеты, куда входил и наш отдел литературы.

И Жигулину казалось, что он пришёл в газету надолго. Помню, как, впервые оказавшись на редколлегии, он старательно пересказывал содержание романа Николая Кочина, опубликованного в «Волге».

– *И как написано?* – устал слушать Жигулина Чаковский.

– *Скучновато,* – простодушно ответил тот.

– *Так что же вы нам морочите голову!* – рассердился Чаковский. – *Вы что предлагаете? Отрицательную рецензию?*

– *Нет, отрицательную не нужно,* – просительно сказал Жигулин. – *Автор всё-таки старый человек.*

– *А на положительную не тянет?* – раздражённо спросил Чаковский. И рассвирепел: – *Так для чего полчаса вы пересказывали нудягу. Это ваша недоработка!* – накинулся он на зава отдела литературы Юрия Буртина. – *Вы собираетесь перед редколлекцией, обсуждаете журналы?*

– *Собираемся и обсуждаем,* – ответил Буртин.

– *И что вы решили по поводу Кочина?*

– *Что следует пройти мимо этого романа, не заметить его.*

– *Я как раз и хотел закончить этим предложением,* – миролюбиво вставил Жигулин.

– *А рассказывали так, будто прочитали Дюма! Для чего говорить так много,* – бушевал Чаковский, – *если предлагаете так мало? Почему вы не объяснили этого новому сотруднику?* – снова накинулся он на Буртина.

Я, сидевший с Жигулиным в одной комнате, подружился с ним сразу: меня захватила биография Толи.

Со студенческой скамьи Воронежского лесного института его отправили на Колыму как антисоветчика за создание вместе с несколькими единомышленниками некоего кружка «правильных» коммунистов, который они именовали коммунистической партией молодёжи. Кружок был довольно невинным: они собирались для чтения Маркса, Ленина, Сталина, но мотавшие им сроки следователи быстро смекнули, какую материальную выгоду можно извлечь из дела о создании новой «партии» – тягчайшему по тем временам преступлению. И извлекли – одни получили повышение, других даже перевели из Воронежа в Москву. А Жигулин с друзьями получили по 25 лет лагерей.

Лагерь Толю сломал. Выйдя на свободу, он начал пить много и постоянно.

Он появлялся в нашей комнате в длинном плаще с глубокими карманами, доставал из кармана бутылку.

– *Будешь,* – спрашивал он меня, срывая язычок с пробкой.

– *Ну что ты, Толя,* – говорил я ему. – *Ведь сейчас только одиннадцатый час.*

Это на него не действовало. Он наливал себе стакан, опрокидывал водку в рот и садился работать, то есть обзванивать знакомых.

Особенно часто он звонил поэту Игорю Жданову, автору очень неплохой повести, напечатанной в «Молодой гвардии». Дозвонившись, он договаривался о встрече в доме литераторов и, допив бутылку, исчезал.

Конечно, так бывало не каждый день. Иначе он бы и недели не проработал в газете. Но бывало довольно часто. А потом стало всё более учащаться. Эта болезнь и привела его в конце концов к смерти, случившейся 6 августа 2000 года.

Кроме Игоря Жданова был ещё один постоянный собутыльник Жигулина – поэт Владимир Павлинов. Мне он хмуро кивал, наверняка не прощая моей критики его стихотворений. Некогда он и ещё три автора журнала «Юность» составили общую книгу стихов «Общежитие», и я писал о ней. Стихи Павлинова я оценил как наименее удачные.

Павлинов обладал огромной физической силой и мог пить, долго не пьянея. К Жигулину он относился с нежностью.

Именно Павлинову и выпало наказать жигулинского обидчика. Даже не обидчика, а клеветника. Антисемит и сталинист, поэт Василий Фёдоров, прославившийся строками: «Сердца, не занятые нами, немедленно займёт наш враг», пустил сплетню, что Жигулин сидел не по антисоветской, а по уголовной статье: был якобы заурядным карманником. Этого Толя снести не мог.

Фёдоров тоже нередко запивал, и его в запое тоже влекло в ресторан ЦДЛ, где он сидел перед рюмкой и угрюмыми, ненавидящими глазами обводил зал. Вот он увидел Жигулина, пьющего с Павлиновым, и в глазах его (Фёдорова) зажглось ещё больше ненависти.

– У, сволочь! – тихо прорычал Толя.

– А ты подойди к нему, – посоветовал Павлинов, – и скажи: «Что смотришь, харя фашистская!»

Жигулин встал.

Фёдоров не успел ему ответить, потому что, отодвинув Толю со словами: «Это тебе за моего друга, падла!», Павлинов ударил Фёдорова в лицо с такой силой, что тот покатился по залу и недвижно затих у чьих-то ног.

На Павлинове повисло несколько официантов, он их стряхнул, они снова пытались повиснуть на нём. Вызвали милицию. Вызвали «скорую». Фёдорова увезли. Павлинова и Жигулина увели и почти ночь продержали за решёткой.

А наутро о драке узнали в газете.

Поговорить с Жигулиным поручили заместителю главного редактора Артуру Сергеевичу Тертеряну, мастеру улаживания всяческих конфликтов.

– Да, он сволочь, – согласился с Толиной оценкой Фёдорова Артур Сергеевич, узнав, что послужило поводом для избиения. – Но это – очень опасная, очень злобная и мстительная сволочь. Ведь он будет добиваться от Чаковского вашего увольнения. И Александру Борисовичу ничего не останется, как вас уволить. Вам это надо? Позвоните ему и извинитесь. Тем более что били-то его не вы.

Толя пришёл от Тертеряна хмурым.

– Будешь? – спросил он меня, доставая из кармана бутылку. Выпил стакан и задумался. Выпил ещё. А потом стал резко листать справочник союза писателей.

– Василия Дмитрича можно, – сладким голосом говорил он в трубку. – И не встаёт, – озабочился он. – Скажите, что это Толя Жигулин. – Он прикрыл трубку рукой и сказал мне: – Пошла сообщать, стерва! Посмотрим, как он не встаёт.

– Вася! – закричал он. – Это Толя Жигулин. Ну, как ты там, родной? Я слышал, что ты на меня сердиться! Прости меня, дорогой мой Вася! Прости за то, что это не я тебе вмазал по поганой морде, сволочь ты вертухайская, прости, что я не придушил тебя – гада, мерзавца, фашиста...

– Бросил трубку, – удовлетворённо сказал он мне. И допил водку.

На следующий день его попросили написать заявление об увольнении по собственному желанию.

Мы остались с ним близкими друзьями. И я рад, что он посвятил мне одно из лучших своих стихотворений:

Г. Красухину

*Горят сырые листья,
И вьётся горький дым.
В саду, пустом и мгlistом,
Он кажется седым.
В молчанье нелюдимом
Я думаю о дне,
Когда растаю дымом
В холодной тишине.
Листок заледенелый
Качается, шуриша...
Уже почти сгорела
Обуглилась душа.
Не будет продолженья
В растаявшем дыму.
И нету утешенья
Раздумью моему.*

31 января 2014 года, выступая в эфире радиостанции «Эхо Москвы», министр культуры России Мединский оскорбил писателя Даниила Гранина, утверждавшего, что в блокадном Ленинграде работал кондитерский цех, занимавшийся выпечкой пирожных для партийного руководства города. «Враньё!» – уверенно и резко отчеканил Мединский. Посыпались протесты. В частности, возмущённое Открытое письмо министру опубликовал депутат законодательного Собрания Петербурга Б. Вишневский.

За Мединского ответила его пресс-служба. Министр не оскорблял писателя. Сказав «враньё!», он имел в виду, что о производстве «ромовых баб» в блокадном Ленинграде вкуче с фотографиями из цеха, где их делали, было широко известно задолго до публикации книги Гранина и Адамовича. Информация о производстве этих пирожных в Ленинграде, утверждала пресс-служба, распространялась в военные годы по всей стране, чтобы показать народу, что даже в условиях блокады или осады мы можем делать и кондитерские изделия и шампанские вина.

И вывод: «*В любом случае мы должны быть благодарны руководителям блокадного Ленинграда, которые в нечеловеческих условиях обеспечили эвакуацию более миллиона жителей и сделали всё возможное для спасения города*».

Даниил Александрович Гранин родился 1 января 1919 года. Воевал на фронтах Великой Отечественной. Став профессиональным писателем, быстро продвигался вверх по номенклатурной лестнице Союза писателей. Был первым секретарём Ленинградского отделения СП СССР в 1967—1971 гг. А первый секретарь писателей Ленинграда входит по должности в секретариат СП РСФСР. И получает депутатство России.

Позже Гранин был в секретариате Союза писателей СССР. Избирался народным депутатом СССР.

Карьерные устремления писателя очевидны. И очевидно, что он умел их реализовывать.

Но при этом писал книги, которые далеко не всегда встречали благостно партийные надзиратели за искусством. Уже роман «Искатели» (1954) подвергся зубодробительной критике. Роман «Иду на грозу» (1962) официозная критика опять-таки встречает в штыки. «Зубр» (1987) – книга о выдающемся генетике Н. В. Тимофееве-Ресовском одобряется сквозь зубы. А по поводу документальной «Блокадной книги», написанной в соавторстве с А. Адамовичем и впервые напечатанной с купюрами в 1977 году в журнале «Новый мир», тогдашний первый секретарь ленинградского обкома Г. В. Романов заявил: *«Плохо отношусь к Д. Гранину, точнее к тому, что он говорит и пишет о блокаде. Это всё неправильно, необъективно. Что бы он ни говорил, его мысли склоняются к тому, что „город надо было сдать“, а это вообще неправильная постановка вопроса. Если бы мы его сдали, от него бы ничего не осталось, жертвы были бы страшнее блокадных <...> Руководители страны, включая Жданова, делали всё, чтобы спасти Ленинград».*

Романов клеветал. Гранин с Адамовичем нигде не говорили о необходимости сдачи Ленинграда. Но, как видим, власти уже тогда опровергали любую критику в адрес ленинградского руководства во время блокады. Так что нынешний министр культуры просто подхватывает старую традицию провластного вранья.

Отдел публицистики «Литературной газеты» изобиловал талантливыми сотрудниками. Статьи Александра Борина, Аркадия Ваксберга, что называется, делали газете тираж. Надо отдать должное и Ольге Георгиевне Чайковской. Её очерки вскрывали суть судебной системы в Советском Союзе, отличались тонким проникновением в психологию героев, о которых она писала.

Ольга Георгиевна, родившаяся 1 января 1917 года, была внучатой племянницей композитора П. И. Чайковского.

Мы с ней сблизилась на почве любви к Пушкину. Она напечатала в «Новом мире» статью о Гринёве – героине «Капитанской дочки». А я эту статью перепечатал, когда был составителем сборника «Пушкинист» в 1987 году.

Её книга о Екатерине Второй недавно вышла уже третьим изданием. Правление Екатерины противопоставлено в книге правлению Петра I. И хотя, как известно, русская монархия любила повторять, что ничего не делает, не сверяясь с тем, что делал Пётр, Чайковская показала, что в противоположность страшным бесчинствам, которые творились при Петре, Екатерина установила в России намного более гуманную судебную систему.

Умерла Ольга Георгиевна 13 декабря 2012 года.

2 января

Вот любопытный документ:

Документ №73

Лебедев-Полянский – в Политбюро о журнале «Беседа» Максима Горького

Не ранее 10.06.1924

В Политбюро ЦК РКП (б)

В Главлит было прислано решение Политбюро о беспрепятственном пропуске в СССР журнала «Беседа», в числе редакторов которого числится М. Горький.

Так как Главлит по этому вопросу не был запрошен, и решение обуславливалось, очевидно, настойчивостью Горького, сообщая: журнал «Беседа» принадлежит Берлинскому издательству «Эпоха». Издательство «Эпоха» принадлежит меньшевикам, и доходы от него идут на партийные цели. Во главе издательства стоят Дан, Лидия Канцель, Далин и Каплун-Сумский.

Административно-хозяйственной частью ведают Далин и Каплун-Сумский.

Пропуская в СССР «Беседу», Главлит будет способствовать улучшению состояния кассы ЦК меньшевиков, да и самый журнал носит неприятный идеологический уклон, теософско-мистический; на его страницах помещают статьи наши ярые враги и рекламируется вся белогвардейская и меньшевистская литература.

Главлит просит Политбюро прежнее свое решение отменить: журнал «Беседу» в СССР по указанным выше причинам не пускать.

Заведующий Главлитом ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ

Павел Иванович Лебедев-Полянский, родившийся 2 января 1882 года, был не просто заведующим Главлитом, то есть руководителем цензурного комитета, но одним из создателей советской цензуры.

Он сменил на посту руководителя Главлита Николая Леонидовича Мещерякова, пробывшего в этой должности несколько месяцев, и просидел на ней девять лет.

В будущем Александр Твардовский выведет чиновника Главлита в своей поэме «Тёркин на том свете»:

*Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперёд:
То убавит, то прибавит,
То своё словечко вставит,
То чужое зачеркнёт.
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмёт его в кавычки
То опять же оголит.*

Такое впечатление, что Александр Трифонович имел в виду Лебедева-Полянского.

Тот действительно был неутомим на посту главного цензора. Его тезис о том, что цензура защищает диктатуру пролетариата и руководствуется директивами политбюро ЦК, был положен в основу работы Главлита как единственно правильный. Лебедев-Полянский разработал и структуру главного советского цензурного учреждения в духе большевистской вертикали власти. Во все органы печати, радио, в театр, на почту пришли уполномоченные Главлита, обладавшие неоспоримым правом не пропускать произведения в печать и даже запрещать их.

В 1926 году Лебедев-Полянский направил в ЦК партии «Докладную записку о деятельности Главлита», где вместе с пожеланием приблизить цензурный комитет к центральным партийным органам потребовал передать в ведение Главлита всю печатающуюся в стране литературу. Что, разумеется, и было сделано.

Вместе с тем следует отметить, что Лебедев-Полянский не сочувствовал экстремистам, провозглашавшим: «*Литературная чека нам необходима*». Он был против одних только карательных мер. Однако, как говорится, Голем уже был им создан. И в дальнейшем действовал независимо от своего создателя.

Имя Лебедева-Полянского носит сейчас Владимирский государственный гуманитарный университет. Разумеется, не потому, что Лебедев-Полянский создал и укрепил цензуру. Он был ещё литературным критиком, литературоведом, редактором журналов «Народное просвещение» и «Родной язык в школе». Стал даже академиком АН СССР.

Но в академию он был избран не за статьи и не за книги, которые научной ценности не представляют. Он прошёл в академию по должности: был с 1937 года и до конца жизни (умер 4 марта 1948 года) директором Пушкинского дома, как называли Институт русской литературы Академии наук СССР.

3 января

Вспоминает писатель Анатолий Рыбаков.

«Волоколамское шоссе» Бек писал в 1942 году, в самый разгар войны, и опубликовал в 1943 году. И эту великую книгу написал не писатель с капитанскими или майорскими погонами – написал её простой рядовой солдат из ополченцев. Мы, прошедшие войну, знаем, что это такое, сколько километров на попутных, а то и пешком, в снег, в распутицу должен был совершить этот рядовой, как пробивался он к генералам, сколько пропусков и мандатов предъявлял на пропускных пунктах он, не умевший стоять по стойке смирно да ещё однофамилец немецкого генерала фон Бека. И всё же рядовой Бек всё это преодолел. И первый написал книгу о победе. Я читал «Волоколамское шоссе» на фронте. Конечно, были и другие книги. В других книгах было всё – героизм наших солдат, великие жертвы, которые нёс народ, беспримерный трудовой подвиг людей нашей страны, но в «Волоколамском шоссе» мы впервые увидели воина-победителя и почувствовали себя тоже победителями. Это великая книга, обошедшая весь мир, написанная солдатом, рядовым солдатом в разгар войны. Бек не ожидал и не получил за это никакой награды. За всю свою жизнь Бек не получил ни одного ордена – ни за войну, ни за литературу. Говорят, что книга выставлялась на Сталинскую премию, но оказалось, что якобы «Волоколамское шоссе» – книга, написанная с позиций культа личности. Наконец-то мы знаем, кто утверждал у нас культ личности: это был, оказывается, А. Бек!.. Как писатель Бек имел много неприятностей с «Волоколамским шоссе». Момыш-Улы, человек, которого Бек прославил на весь мир, стал его злейшим врагом. Он считал себя соавтором «Волоколамского шоссе». Он измучил Бека экспертизами и тому подобными вещами, отнимавшими у писателя время и равными ему душу.

Что здесь сейчас требует разъяснения? Старший лейтенант, командир батальона казах Момыш-Улы, от лица которого ведётся повествование в повести Бека «Волоколамское шоссе», – лицо реальное. Стал полковником, писателем, автором книг «За нами Москва. Записки офицера» (1959), «Фронтовые встречи» (1962). Бек сохранил его фамилию, но, как и положено в художественном произведении, создал обобщённый образ своего героя, не всегда совпадающий с реальными чертами прототипа. Однако Баурджан Момыш-Улы, став писателем, так и не понял, почему повесть Бека пользовалась огромным успехом, а его, Момыш-Улы, книги малозаметны. Отсюда и неприязнь бывшего героя «Волоколамского шоссе» к своему, так сказать, биографу.

«Волоколамское шоссе» появилось в 1943 году и действительно выдвигалось на сталинскую премию. Но Сталину она не понравилась. А что до того, что повесть написана якобы с позиций культа личности, то ирония Рыбакова в данном случае направлена в адрес клеветников, которые пытались вколотить в сознание читателя послесталинской эпохи такое объяснение успеха «Волоколамского шоссе» в сталинское время.

Александр Альфредович Бек (родился 3 января 1903 года) успел повоевать ещё в Гражданскую, на которую ушёл в 16 лет. Служил в Красной армии на восточном фронте под Уральском, был ранен. Тогда же начал писать заметки и репортажи по заданию главного редактора дивизионной газеты. Стал первым главным редактором газеты «Новороссийский рабочий».

О службе Бека на фронтах Великой Отечественной хорошо сказал Рыбаков (и я это только что процитировал). Добавлю, что Бек прошёл всю войну, закончив её в Берлине.

Ему не везло с прототипами. В романе «Талант (Жизнь Мережкова)» (1958) прототипом героя был засекреченный в ту пору Главный конструктор авиационных двигателей герой соцтруда, лауреат четырёх сталинских премий, академик, генерал-майор-инженер Александр Александрович Микулин. Бек познакомился с ним в больнице. Прочитав роман, Микулин много сделал, чтобы воспрепятствовать его публикации. Но роман всё же вышел.

А вот роману «Новое назначение» такая удача не выпала. Прототипом героя романа Бека Александра Онисимова был очень известный сталинский нарком и министр металлургической промышленности, зам председателя Совета Министров СССР Иван Фёдорович Тевосян.

Чтобы сбить сходство, Бек даже ввёл в роман наряду с реальными Сталиным и Берия реального Тевосяна. Но вдова министра нашла, что её муж показан Бекон бездушным роботом. Дама оказалась очень энергичной: написала Брежневу, привлекла на свою сторону крупных деятелей металлургии и добилась своего. Тогдашний секретарь ЦК Андрей Кириленко запретил печатать книгу. Роман пролежал на полке 22 года. И был издан только в 1986 году – через 14 лет после смерти писателя, который умер 2 ноября 1972 года.

Закончу чудесным стихотворением Тани Бек об отце:

*Снова, снова снится папа,
Вот уже который день...
Вечное пальто из драпа,
Длинное,
эпохи РАППа.
Я кричу: «Берет надень!»
Но глядят уже из Леты
Свёрльшики любимых глаз.
Нос картошкой. Сигареты.
«Изменяются портреты», —
Повторяю в чёрный час.
На морозе папа-холмик...
Я скажу
чужим
словам:
– Был он ёрник, и затворник,
И невесть чего поборник,
Но судить его – не вам!*

Ипполит Фёдорович Богданович, родившийся 3 января 1744, прославился благодаря своей поэме «Душенька», в которой обработал историю любви Амура и Психеи. Причём подражал Богданович не римлянину Апулею, а французу Лафонтену, который в романе «Любовь Амура и Психеи» весьма своеобразно передал сюжет римского писателя. Но и подражание Богдановича тоже было весьма своеобразным. В его поэме проступают черты русского быта, угадываются намёки на современную Богдановичу действительность, вводятся персонажи русских сказок, которые действуют вместе с мифологическими персонажами. Лёгкий, доступный разноstopный ямб, каким написана поэма, её свободная поэтическая речь, ориентированная на обычную беседу, обеспечила поэме признание самой императрицы Екатерины II, которая специальным указом заставила Богдановича написать комедию «Радость Душеньки», поставленную в придворном театре.

«Душенька» полюбились современникам. Её ценил Пушкин, похвально отзываясь о ней, выбирая из неё для эпиграфа к «Барышне-крестьянке» строчку «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша!», наконец, помянув её автора в «Евгении Онегине»:

*Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи
Как Богдановича стихи.*

Умер Богданович 18 января 1803 года.

Николай Евгеньевич Вирта был одним из самых главных литературных погромщиков при Сталине.

Я недавно проглядывал материалы, которые сейчас помещают в Интернете об этом деятеле. Как уже повелось, авторы, ностальгически вспоминающие сталинское время, умильно отзываются и об одном из любимцев Сталина, которому понравился роман Вирты «Одиночество» и который отличил Вирту в 1939-м, когда был опубликован первый указ о награждении советских писателей. Вирта получил орден Ленина.

В 1936 году его пригласили работать в «Правду», что тогда означало высшее к нему доверие. От «Правды» он был корреспондентом на советско-финской войне. В Великую Отечественную, продолжая (недолго) работать в «Правде», он сотрудничает и в «Известиях», и в «Красной Звезде». Наконец, работает в Совинформбюро. Но ничего запоминающегося в этот период не написал. Во всяком случае, очень любопытно, что, в отличие от многих писателей-военных корреспондентов, награждённых во время войны орденами, у Вирты за всю войну три медали – «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Последняя медаль вообще давалась всем участникам войны. А две первых – всем участникам обороны, не обязательно только бойцам и командирам, но вообще всем, кто в то время имел отношение к обороне этих городов, в том числе и всем журналистам, писавшим об обороне.

С учреждением сталинских премий в 1941 году Вирта их получает четыре. Одну сразу же, в 1941-м, – за «Одиночество». Три других – три года подряд: в 1948-м – за пьесу «Хлеб наш насущный», 1949-м – за пьесу «Заговор обречённых», в 1950-м – за киносценарий «Сталинградская битва».

Этот фильм сейчас нередко показывают по телевидению. Тот, кто его смотрел, оценил, наверное, великую мудрость Сталина, чьи командующие фронтами только тем и заняты, что исполняют его указания и приказы. Участвуют, так сказать, в реализации одного из десяти, как насчитал Сталин, его, сталинского, удара. Вирта добросовестно отработывал заказ.

Те, кто умиляется сейчас этим сталинским лакеем, непременно подчёркивают, что сельский священник Евгений Карельский и его жена, отец и мать Вирты – поп и попадья – были расстреляны красными, намекая, что сын им гибели родителей не простил. Но из чего это следует? Николай Евгеньевич рано начал сотрудничать с «Тамбовской правдой», в чьём литературном приложении печатал материалы на злобу дня. Сразу же стал подписываться псевдонимом, похерив опасную фамилию.

Биографы Вирты охотно цитируют Ваксберга, рассказавшего о том, как в 1943 году церковь просила у Сталина разрешения напечатать Библию и как Сталин через Молотова и Вышинского с подачи тогдашнего митрополита и местоблюстителя патриаршего престола Сергия обратился к Вирте, чтобы тот прочёл Библию как цензор: можно ли её разрешить печатать?

тать. Вирта читал, отслеживая: не появится ли человек с усами. Не появился. Библию печатать разрешили. А Вышинский позже всякий раз присылал личные поздравления Вирте с очередным награждением.

Но Ваксберг не знал, что за эту цензуру церковь заплатила Вирте полмиллиона рублей.

На тамбовском сайте прочитал я умильные воспоминания земляков Вирты о его дружбе с первым секретарём тамбовского обкома Василием Чёрным, который был поклонником писателя, родившегося на Тамбовщине. Чёрный познакомил Вирту с одним из председателей колхоза, тоже читавшего его взахлёб. Дальше – цитата:

«Колхоз выделил Вирте участок, на котором он и воздвиг по французскому проекту небольшой, но очаровательный двухэтажный дом. Посаженный своими руками обширный сад и особнячок он обнёс забором, выкрашенным голубой краской. Вместе с супругой писатель жил в Горелом с ранней весны до поздней осени, перебираясь в столицу лишь на зиму. Своей молодой, седьмой по счёту жене, любительнице конной выездки, Николай Евгеньевич приобрёл породистую лошадку, на которой та и гарцевала по лугам. Молодая женщина сшила себе для выездки «амазонку». Разве могли горельские женщины, горбившиеся с утра до вечера в поле, восхищаться красиво одетой молодкой, скачущей в это время по лугам на резвом скакуне?»

В ту пору такое барство, конечно, вызывало осуждение у многих. Хотя, казалось бы, писатель, обладая к концу жизни достаточными средствами, имел право жить так, как ему хотелось. Но... В Москву улетело возмущённое письмо кого-то из горельских селян. А через некоторое время в «Комсомольской правде» появилась разгромная статья «За голубым забором», обличающая «зарвавшегося» писателя. Вирту вызвали в Москву в правление Союза писателей России, где посоветовали срочно покинуть горельскую усадьбу. Николаю Евгеньевичу ничего не оставалось делать, как подарить свой дом горельскому колхозу и уехать в столицу».

Было это уже после смерти Сталина. Когда разрешили критику его любимцев. А до этого Вирта сам обрушивался с зубодробительной критикой на своих и сталинских врагов. Например, на космополитов. Выражений он не выбирал: «мразь», «человечье отродье», «фашисты в белых халатах».

Вирта имел не только дом на Тамбовщине. В Подмосковье у него была дача в Переделкине. На ней он не только творил, но, как деликатно выразились тогда члены секретариата Союза писателей, вёл «разгульный образ жизни». Причём не один, а в компании с А. А. Суровым и А. Н. Волошиным. Понимаю, что о Суrove некоторые помнят ещё и сегодня: он яростно громил космополитов, которых вверх в рабство: они за него писали пьесы. А о Волошине – вряд ли. Был такой кузбасский писатель. Имел даже сталинскую премию за книгу «Земля кузнецкая». Так вот эту троицу за разгульный образ жизни на даче Вирты в 1954 году исключили из Союза писателей.

Восстановили потом? Конечно. Ведь пустячный же проступок – подумаешь, разврат! Вирте вернули членский билет СП уже через два года. Про Волошина ничего не знаю. А Сурову пришлось долго ждать восстановления. На его развратные действия наложилось ещё и обвинение в том, что он не писал пьес, за которые получал сталинские премии. Так что восстанавливать его в прежнем статусе драматурга никто не спешил. Но Суров соглашался восстановиться как публицист, имея в виду свои погромные статьи при Сталине. Стучался в дверь союза писателей он долго. И в конце концов ему открыл её в 1982 году ставший первым секретарём Московской писательской организации Феликс Кузнецов. Простили Сурову и разврат, и плагиат, и рабство.

А возвращаясь к Вирте, скажу, что о нём как близком Сталину человеку ходило немало легенд. Хотел рассказать историю с пьесой «Заговор обречённых», какую Вирта представил, как тогда полагалось, в Комитет по делам искусств, который должен был её либо одобрить, либо зарубить. Но вспомнил, что эта байка уже записана Бенедиктом Сарновым, который расскажет её лучше меня:

Спустя некоторое время он [Вирта] пришёл к заместителю председателя Комитета – за ответом.

– Прочёл вашу пьесу, – сказал тот. – В целом впечатление благоприятное. Финал, конечно, никуда не годится. Тут надо будет вам ещё что-то поискать, додумать... Второй акт тоже придётся переписать. Да, ещё в третьем акте, в последней сцене... Ну это, впрочем, уже мелочи... Это мы уже решим, так сказать, в рабочем порядке...

Вирта терпеливо слушал его, слушал. А потом вдруг возьми да и скажи:

– Жопа.

– Что? – не понял зампред. – Я говорю, жопа, – повторил Вирта

Зампред, как ошпаренный, выскочил из своего кабинета и кинулся к непосредственному своему начальнику – председателю Комитета, Михаилу Борисовичу Храпченко.

– Нет! Это невозможно! – задыхаясь от гнева и возмущения, заговорил он. – Что хотите со мной делайте, но с этими хулиганствующими писателями я больше объясняться не буду!

– А что случилось? – поинтересовался Храпченко

– Да вот, пришёл сейчас ко мне Вирта. Я стал высказывать ему своё мнение о его пьесе. А он... Вы даже представить себе не можете, что он мне сказал!

– А что он вам сказал?

– Он сказал... Нет, я даже повторить этого не могу!..

– Нет-нет, вы уж, пожалуйста, повторите

Запинаясь, краснея и бледнея, зампред повторил злополучное слово, которым Вирта отреагировал на его редакторские замечания. При этом он, естественно, ожидал, что председатель Комитета разделит его гнев и возмущение. Но председатель на его сообщение отреагировал странно. Вместо того, чтобы возмутиться, он как-то потемнел лицом и, после паузы, задумчиво сказал:

– Он что-то знает...

Интуиция (а точнее – долгий опыт государственной работы) не подвела Михаила Борисовича. Он угадал: разговаривая с его заместителем, Вирта действительно знал, что его пьесу уже прочёл и одобрил Сталин.

Умер этот сталинский любимец 3 января 1976 года. (Родился 19 декабря 1906 года).

Со стихами Юргиса Балтрушайтиса я впервые встретился ещё в школе, в пятидесятые годы, прочитав их в дореволюционном «Чтеце-декламаторе», который дал почитать отец моего друга. Они на меня впечатления не произвели. Оценил я Балтрушайтиса позже как переводчика. Причём не поэзии, а прозы. Он великолепно перевёл несколько повестей Гамсуна, которые я прочитал, купив за бесценок «нильский» пятитомник норвежского писателя. Удивитель-

ное было время, когда прижизненный Блок у букинистов стоил 90 копеек (нынешними – примерно 100 рублей), а прижизненный Брюсов и того меньше.

Было это в конце пятидесятых. «Голод», «Викторию» Гамсуна в переводе Балтрушайтиса я прочитал, можно сказать, с восторгом: какой чудный стиль, какая поэзия в описании обыденной и даже страшной жизни! Купил четырёхтомник «нивского» Ибсена (он был в тетрадках: несколько тетрадок составляли том). И снова – «Пер-Гюнт» в переводе Балтрушайтиса. Балтрушайтис мне помог постичь, что нравилось Блоку в «Пер-Гюнте», чем нравилась ему эта пьеса норвежского драматурга.

Я увлёкся переводами Юргиса Казимировича Балтрушайтиса. Читал стихотворные его переводы армянских и еврейских поэтов. Одобрял их. И совершенно забыл, что сам он начинал как оригинальный поэт.

Потом я узнал, что после революции ему удалось получить литовское гражданство и, не выезжая из России, стать чрезвычайным и полномочным послом Литвы в ней, то есть в России. Одновременно был представителем Литвы для Турции и Персии. Многим помог уехать от большевиков, многих деятелей русской культуры спас от террора.

Удивительно: я познакомился с ним, современником Блока, Брюсова, Бальмонта, в школьной юности. И естественно, числил его жителем той золотой дореволюционной эры, которая по своим вкусам и пристрастиям была для меня как время античности. Но в восьмидесятых я вдруг услышал его голос и решил, что он жив, что он в полном здравии живёт в Париже, пишет стихи, переводит, то есть занимается тем, что и в своей молодости. Увы, конечно, какой-то западный «голос» поставил фонограмму. Кажется, он читал стихотворение, которое сейчас приведу. Конечно, моя память теперь уже не слишком надёжна. Может быть, он читал и что-нибудь другое. Но хочется думать, что я не ошибаюсь:

*Цветам былого нет забвенья,
И мне, как сон, как смутный зов —
Сколь часто! — чудится виденье
Евпаторийских берегов...
Там я бродил тропой без терний,
И море зыбью голубой
Мне пело сказку в час вечерний,
И пел псалмы ночной прибой...
В садах дремала тишь благая,
И радостен был мирный труд,
И стлался, в дали убегая,
Холмистой степи изумруд...
С тех пор прошло над бедным миром
Кровавым смерчем много гроз,
И много боли в сердце сиром
Я в смуте жизни перенёс.
Ещё свирепствует и ныне
Гроза, разгульнее стократ,
И по земле, полупустыне,
Взрывая сны, гудит набат...
Но сон не есть ли отблеск вечный
Того, что будет наяву —
Так пусть мне снится, что беспечный
Я в Евпатории живу...*

Да, умер он в относительно преклонном возрасте 3 января 1944 года. (Родился 2 мая 1873-го.)

4 января

Вспоминаю, как нас, работников «Литературной газеты», вызвали в зал, где в президиуме уже сидели новый член политбюро Вадим Медведев, зам зава отдела культуры ЦК Владимир Егоров, мой некогда хороший знакомый Юрий Воронов, неизменно даривший свои стихотворные книжки, и поникший Александр Борисович Чаковский.

До работы в ЦК Владимир Константинович Егоров был ректором Литинститута. Сменивший его на этом посту Евгений Сидоров, когда впоследствии станет министром культуры России, пригласит его на работу в министерство, и Егоров в свою очередь сменит Сидорова на посту министра. Правда, проработает министром недолго – Путин назначит его ректором Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Но вернёмся в зал. Там на трибуне выступает Медведев. Он даёт Чаковскому такую характеристику, что, кажется, вот-вот огласит указ о награждении Александра Борисовича второй звездой героя соцтруда. Но по лицу Александра Борисовича струятся слёзы. Нет, звезды не будет. А будет последняя фраза Медведева: *«И Центральный Комитет принял решение удовлетворить просьбу Александра Борисовича Чаковского об освобождении его от обязанностей главного редактора «Литературной газеты».*

После этого Медведев перейдёт к рассказу о Воронове. Он не скажет о том, за что его в своё время сняли с поста главного редактора «Комсомолки». Говорили, за то, что он напечатал статью весьма лояльного по отношению к властям, даже, можно сказать, сервильного Аркадия Сахнина о некоем полярнике, человеке сложной, незаурядной судьбы, занявшимся со своим экипажем, ходившим на китов, незаконным бизнесом. Кого в ЦК могла разгневать такая статья, было неясно; да и должность, которую получил после «Комсомолки» Воронов, была всё-таки внушительной: ответственный секретарь «Правды». А вот то, что он на этом посту продержался очень недолго, то, что всеильный идеолог партии Суслов настоял на переводе Воронова спецкором «Правды» в Берлин, показало, что снят был редактор «Комсомольской правды» не только за Сахнина. Воронов был достаточно смел и независим. Напечатал, к примеру, совсем незадолго до снятия статью Евгения Богата о матери Марии: впервые в советской печати воспевался подвиг эмигрантки, участницы французского Сопротивления, прятавшей от гитлеровцев евреев и бежавших из плена советских солдат, оказавшейся в нацистском концлагере, где, обменявшись одеждой с больной девушкой, пошла вместо неё в газовую камеру. Скажут: ну и что в этом крамольного? Крамолой в то время было то, что воспевался *подвиг эмигрантки*, которая к тому же не приняла большевистский переворот, но боролась с большевиками в Гражданскую. Так что были основания у Суслова люто невзлюбить Воронова, всякий раз сопротивляться его переводу в Москву из Берлина. Только после смерти главного партийного идеолога Воронов оказался в Москве – сперва главным редактором «Знамени», потом в аппарате горбачёвского ЦК.

Ничего этого Медведев не говорит. Он сожалеет о том, что Воронову придётся уйти с поста заведующего отделом культуры ЦК (и не говорит, что принято решение упразднить этот отдел). *«Мы не хотели его отпускать, – с надрывом. – Но руководство партии и страны нашло, что свой недюжинный талант литератора Юрий Петрович особенно ярко может раскрыть на посту главного редактора «Литературной газеты».*

Воронов говорит коротко и очень тихо. Просит всех оставаться на своих местах. Свидетельствует, что знает, какой сильный коллектив сотрудников сумел собрать в газете Александр Борисович Чаковский.

А Чаковский продолжает всхлипывать. Ему тяжело расставаться с газетой, которая стала его жизнью. Но солдат партии должен во всём подчиняться её решениям. И он, Чаковский, благодарит коллектив...

– *Который не обойдёт своим вниманием многолетнего редактора и будет приглашать его на все наиболее важные и ответственные мероприятия,* – заканчивает за Чаковского Медведев.

Всё! Финита ля комедия!

Нет, оказалось, что не финита! Воронов на следующий день на работу не вышел. Его, как выяснилось, привозили из больничной палаты, чтобы показать нам и увезти назад.

Наверное, не знал Медведев, что Юрий Петрович Воронов болен неизлечимо. Самое большое, насколько его хватало в газете, – несколько месяцев. Потом он ложился в больницу, потом снова появлялся на работе на пару-другую недель. Потом слёг надолго. Он всё реже и реже выходил из больницы. И в конце концов, из неё не вышел. Умер 4 января 1993 года, не дожив 9 дней до 64 лет (родился 13 января 1929 года).

Михаила Николаевич Лонгинова (ударение на «и»), умершего 4 января 1875 года, а родившегося 14 ноября 1823-го, можно было бы охарактеризовать известной шуткой о советском карьеристе-коммунисте: колебался вместе с линией партии. Михаил Николаевич, естественно, в Компартии не состоял, зато примыкал по мере необходимости к разным партиям общественного движения России второй половины XIX века и чуть раньше. Так в конце сороковых его считали своим Некрасов, Дружинин, Тургенев, Панаев, – все, кто группировался тогда вокруг журнала «Современник», но в конце пятидесятых Лонгинов отойдёт от журнала и станет крушить Чернышевского и Добролюбова в своей статье «Белинский и его лжеученики». В начале правления Александра II был яростным сторонником его реформ, метал громы и молнии в адрес тех, кто желал укоротить развязавшиеся языки и призывал к ужесточению цензуры. А когда напуганный Польским восстанием, ростом общественного недовольства и покушением на его жизнь Каракозовым, император резко изменил свою политику в сторону ужесточения, Лонгинов оказался на посту главного цензора России – начальника Главного управления по делам печати. На этой должности он был так свиреп и фанатично нетерпим к инакомыслию, что стал притчей во языцах: кто только ни поминал его, ни издевался над ним – и его современники, и его потомки.

Как будущие его законодательные потомки, он собирался запретить дарвинизм как учение, собирался наложить запрет на русский перевод книги Дарвина «Происхождение видов». Что вызвало к жизни весьма язвительную эпиграмму Алексея Константиновича Толстого «Послание М. Н. Лонгинову о дарвинизме»:

*Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и сэмо
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша, ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ж...,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.*

Ехидный Алексей Толстой обыгрывал в своей эпиграмме ещё и всем в то время известную нетрадиционную ориентацию Лонгинова.

Надо сказать, что Лонгинов отличался отменной работоспособностью и немалой учёностью.

Особенно проявился Лонгинов как библиограф, разыскавший и опубликовавший многие неизвестные материалы к биографиям Новикова и Княжнина. Он оставил исследование по истории русского масонства, занимался активным розыском неизданных материалов Пушкина. Составленный им сборник этих материалов до сих пор остаётся в рукописи.

Кроме того, Лонгинову принадлежат труды на историческую тему – о правлении Екатерины II, о княжне Таракановой. Интересовали его такие фигуры, как Абрам Петрович Ганнибал и Иван Михайлович Долгорукий.

Он оставил воспоминания о Гоголе, который был его домашним учителем, и о Лермонтове, с которым дружил.

Но подлинную прижизненную славу Лонгинову составили его срамные стихи, которые ходили в списках и были напечатаны за границей в Карлсруэ «неизвестным доброжелателем» как раз когда Лонгинов находился на цензорском посту.

Всё это и запечатлела эпитафия на смерть Лонгинова, написанная сатириком Дмитрием Минаевым:

*Стяжав барковский ореол,
Поборник лжи и вестник мрака,
В литературе – раком шёл
И умер сам – от рака.*

5 января

«Три витязя русского стиха», – так назвал Ярослав Смеляков себя, Бориса Корнилова и Павла Васильева – трёх друзей-поэтов, арестованных почти в одно и то же время НКВД.

Смелякову повезло больше. Его выпустили. После отсидки, разумеется. Но потом отправили воевать на финскую войну. И он там попал в плен. Ну, а из плена, если наши тебя вызволили, то куда? Правильно, в лагерь. А в конце сороковых гребут по новой. Взяли и Смелякова. Но выжил. Пришёл в конце концов домой.

Павел Николаевич Васильев (родился 5 января 1909 года) стихи начал писать рано. По просьбе учителя написал стихотворение к годовщине смерти Ленина. Оно стало школьной песней.

Печататься Васильев тоже стал рано. И поначалу как бы повторил судьбу Смелякова.

В том смысле, что в первый раз Васильева арестовали по делу «Сибирской бригады» вместе с Сергеем Марковым, Леонидом Мартыновым и приговорили к трём годам ссылки в Северный край. Но освободили досрочно.

Правда, после статьи М. Горького «О литературных забавах» Васильева снова арестовали, перед этим в январе 1935 года исключив из Союза писателей. На этот раз годичный срок за «злостное хулиганство» он отбывал в Рязанской тюрьме.

Если кто-то помнит фильм «Партийный билет» 1936 года, то прототипом главного героя – шпиона, врага народа был именно Васильев.

Ясно, что его снова арестовали. На этот раз в 1937 году. И уже больше не выпустили. Расстреляли 16 июля 1937-го.

Уж и не знаешь: что в этих его последних стихах, – предчувствие?

*Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчи изумруды
В нелюдимом северном краю.
Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мёд.
Незаметно всё приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьёт.
Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листё,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши всё...»*

Февраль 1937

5 января 1919 года родилась выдающаяся армянская поэтесса Сильва Барунаковна Капутикян. Её очень любил корреспондент нашей «Литературной газеты» по Армении Зорий Балаян. Вместе с Зориком занимала активную гражданскую позицию по Карабахскому вопросу. Встречалась с Горбачёвым в надежде убедить его уступить эту автономную область Армении. Горбачёв не согласился. Зря. Может, Армения и сегодня была бы демократической страной. Стихи Капутикян переводили многие поэты. Я привожу стихотворение в переводе Булата Окуджавы:

*Смеюсь несдержанно и бойко,
Чтоб ты не видел, как мне горько.
Смеюсь, и больше ничего
Смеюсь, чтоб ты за смехом этим
Не распознал и не заметил
Тревоги сердца моего.
Я легкомысленной девчонкой
Шучу, шепчу себе о чём-то
И что-то вздорное пою.
Чтоб слёз моих не мог ты видеть,
Чтоб невзначай тебе не выдать
Любовь мою!..*

Умерла Сильва Барунаковна 26 августа 2006 года.

Леонида Ивановича Тимофеева (5 января 1904 – 13 сентября 1984) я несколько раз слушал в МГУ. Он у нас не преподавал, работал в ИМЛИ, но его приглашали на встречи со студентами.

Производил впечатление очень корректного человека. К каждому обращался уважительно. Действительно, а не пустой забавы ради, интересовался вашим мнением по данному вопросу. Бывало, что он его оспаривал. Но я помню гораздо более частое согласие с оппонентом. Помню его, шагающего на костылях (он ходил на парализованных ногах), в окружении довольно большой группы студентов.

Был он очень толковым теоретиком литературы. Членом-корреспондентом АН СССР. Предпринимал переложение «Слова о Полку Игореве», к которому специалисты относятся по-разному. Но его книга «Слово в стихе» (1982) до сих пор стоит у меня на полке как весьма ценное пособие.

С творчеством и с биографией Андрея Платонова меня по существу познакомила его вдова Мария Александровна. Андрея Платоновича только начинали печатать после длительного молчания, и я, работавший в журнале «РТ-программы», пришёл к ней на квартиру, которую она занимала в левом флигеле особняка на Тверском бульваре, 25, принадлежавшего Литературному институту.

Любопытно, что потом в этом левом флигеле расположились Высшие литературные курсы, где я одно время преподавал.

А тогда молодым редактором я пришёл к Марье Александровне, она угощала меня чаем, многое показывала и о многом рассказывала.

От неё я узнал, что их сын был арестован, а потом выпущен из лагеря с открытой формой туберкулёза, которым заразил отца. Он ненадолго пережил сына, скончавшись 5 января 1951 года. (Родился 1 сентября 1899 года.)

Нам в журнал Мария Александровна дала рассказ мужа «Семён», который мы напечатали. Но лучшие вещи Платонова я прочитал по подсказке Марии Александровны и с её иногда очень интересными комментариями. За что ей остался навсегда благодарен.

6 января

Константина Фёдоровича Седых (6 января 1908 года – 21 ноября 1979), наверное, все знают (скажу осторожней: знали) по роману «Даурия», получившему сталинскую премию в 1950 году. Много жизни посвятил Константин Фёдорович этому роману, писал продолжение «Отчий дом» – роман, который рядом с «Даурией» уже не поставишь. Хотя и «Даурия» скучноват. В нём много фактического материала из жизни участников гражданской войны в Забайкалье. Но нет художественной цельности. Порой впечатление такое, что читаешь большой этнографический очерк, который перемежается, правда, эпическими событиями.

Вообще-то Седых начинал со стихов. И писал их всю жизнь. Можно найти среди них и неплохие. Например:

*С зарёй проснувшись, жаворонок серый
Взмыл из гнезда в струящуюся высь,
И от земли до самой стратосферы
Серебряные звуки разнеслись.
Лесным ручьём звенит и льётся песня,
Звенит, звенит, как шальный бубенец.
И вот уже растаял в поднебесье
Весны и солнца яростный певец.*

О том, что Пушкин ценил свою современницу, детскую писательницу Александру Осиповну Ишимову (родилась 6 января 1805 года), можно прочитать в любой посвящённой Ишимовой биографической справке. Да, именно к ней обратился Пушкин в день роковой дуэли с Дантесом: *«Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение... Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»*.

Известность и даже можно сказать славу принесла Александре Осиповне Ишимовой, скончавшейся 16 июня 1881 года, её «История России в рассказах для детей». Белинский отмечал живость и увлекательность повествования, его прекрасный язык, но, по мнению критика, адресат выбран писательницей не совсем верно: её книга *«не для детей, которым чтение истории, какой бы то ни было, совершенно бесполезно, потому что для них в ней нет ничего интересного и доступного, – а для молодых, взрослых и даже старых людей»*.

Я бы оспорил это заявление. По своему детскому опыту знаю, как полезно и захватывающе было для меня чтение книги Николая Куна о мифах и легендах Древней Греции. Ребёнку интересны любые исторические факты, если они рассказаны понятным ему, доступным языком. А Ишимова именно таким языком говорила с читателями. Пушкинское *«вот как надобно писать!»* вырвалось не случайно и, конечно, с учётом адресата книги Ишимовой. Белинский пишет о «молодых, взрослых и даже старых» людях. С этим я соглашусь. Это очень редкое качество писателя: оказаться интересным читателям всех возрастов.

Литературная деятельность Александры Осиповны была разнообразной. Она написала ещё немало детских книг: «Рассказы старушки», «Священная история в разговорах для маленьких детей», «Колокольчик. Книга для чтения в приютах». Она переводила с французского и английского. Первой, кстати, познакомила русского читателя с приключенче-

скими романами Фенимора Купера. Издавала ежемесячные журналы для детей «Звёздочка» и «Лучи» (первый журнал «для девиц»).

Но «История России в рассказах для детей» остаётся её главной книгой, которую, на мой взгляд, стоит прочесть и сегодняшнему ребёнку, в чью душу западёт немало исторических эпизодов, криво истолкованных нынешними историками.

Бенедикт Константинович Лившиц (родился 6 января 1887 года) печатался много, примыкал к кубофутуристам. На Первую мировую войну ушёл добровольцем, был ранен, награждён Георгиевским крестом за храбрость.

В 1922 году поселился в Петрограде. Опубликовал четыре сборника стихов. Но после 1928 года стихов практически не писал, хотя работал над циклом «Картвельские оды».

Много занимался художественным переводом. Вячеслав Всеволодович Иванов считает Лившица одним из лучших интерпретаторов французского символизма, особенно – поэзии Артюра Рембо.

В 1934 году издал сборник переводов французской поэзии «От романтиков до сюрреалистов». Но известность снискал книгой «Полутороглазый стрелец» (1933) – о футуристическом движении 1910-х годов.

25 октября 1937 года он был арестован. 20 сентября 1938-го приговорён к расстрелу. И расстрелян на следующий день вместе с писателями и поэтами Юрием Юркуном, С. М. Дагаевым, Валентином Стеничем и В. А. Зоргенфреем.

Автор «Человека-амфибии» Александр Романович Беляев занимался поначалу юриспруденцией и к 1914 году имел хорошую клиентуру, ездил за границу.

Из воспоминаний об отце дочери писателя Светланы Александровны.

«Однажды его пригласили защитником по делу об убийстве. Процесс был почти копией знаменитого „дела Бейлиса“: еврея обвиняли в ритуальном убийстве русского ребёнка с целью приготовления мацы на его крови. Отец решил построить защиту на цитировании текстов из Торы и Талмуда, по которым суд должен был понять, что никаких подобных указаний там просто нет. Для этого он нашёл человека, знающего древнееврейский язык. Потрудиться пришлось немало, они вместе сделали дословный перевод нужных отрывков, которые зачитывались на заседании суда. Доказательства были столь убедительны, что обвиняемого оправдали и освободили в зале суда. Процесс наделал много шума, в газетах писали статьи о блестящей защите, а на улице с отцом постоянно раскланивались. Ему прочили блестящее юридическое будущее, но он всё больше увлекался литературной деятельностью, и в результате занятие это стало его единственным средством к существованию».

Да, в 1914-м он всё бросил и посвятил свою жизнь писательству.

И «Человек-амфибия», и другой его роман «Остров погибших кораблей» написаны в двадцатых годах.

Но, когда ему было 36 лет, он слёг: болезнь позвоночника. Шесть лет был прикован к постели, три из них пролежал в гипсе.

Но выбрался. И вернулся к жизни. Он вылечился в Ялте, куда они с матерью переехали в надежде найти специалистов-врачей. Сначала Беляев работает воспитателем в детском доме. Потом его устраивают в уголовный розыск. Однако жизнь в Ялте была очень тяжёлой, и Беляев переезжает в Москву.

Он пишет и печатает немало повестей и романов. В том числе и принёсший ему славу роман «Голова профессора Доуэля». Причём не всё он печатает под своим именем, но и под псевдонимами А. Ром и Арбел.

В 1928 году он приезжает в Ленинград, где пишет романы «Голова профессора Доуэля», «Властелин мира», «Человек, потерявший лицо», «Подводные земледельцы», «Чудесное око», рассказы из серии «Изобретения профессора Вагнера». Но обострение болезни заставляет его уехать в Киев.

1930-й оказался особенно тяжёлым для Александра Романовича. От менингита умерла его шестилетняя дочь. Рахитом заболела вторая. Обострилась и собственная болезнь: спондилит.

Он возвращается в Ленинград. Незадолго до войны перенёс операцию, поэтому отказался эвакуироваться. Город Пушкин, где жил Беляев с семьёй был захвачен немцами. Там он, как пишут свидетели, замёрз от голода. Умер 6 января 1942 года (родился 16 марта 1884-го).

Жену и дочь немцы угнали в Германию. После окончания войны они, как бывшие узницы фашистов, оказались в ссылке в Западной Сибири, где провели 11 лет.

Я женился рано, на однокурснице, коляска с сыном, пока мы с женой по очереди сидели на лекциях, нередко стояла во дворе университета на Моховой, благо жили мы недалеко. Двух стипендий нам, конечно, не хватало, и мой гонорар (а в университете я начал печататься) часто нас спасал.

И всё-таки надо было думать о постоянном заработке. Университет ещё не был закончен, но это меня не смущало: меня знали в редакциях, и я мечтал, в какую-нибудь из них устроиться.

И вот – улыбка Фортуны! Только я это про себя решил, как в журнале «Москва», куда я зашёл вычитывать гранки своей статьи, встречаю Александра Львовича Дымшица, про которого я знал, что он поссорился с Кочетовым и ушёл из «Октября» из-за Солженицына. Дымшиц написал положительную рецензию на «Один день Ивана Денисовича», а Кочетов расценил это как предательство. Мы не были близко знакомы, но при встрече раскланивались.

– Александр Львович, – сказал я, – у вас нет на примете какой-нибудь редакторской работы?

– Для кого? – спросил Дымшиц.

– Для меня.

Дымшиц весело посмотрел на меня и сказал: – А вы оставьте мне свой телефончик, очень может быть, что я скоро вам позвоню.

Он позвонил даже быстрее, чем я думал, – дня через три. И предложил работу во вновь создаваемом Госкомитете по кинематографии.

– И какого рода будет эта работа? – спросил я удивлённо, поскольку до этого никогда не имел дела с кино.

– Редакторская, – коротко ответил Дымшиц и добавил: – Будете работать у меня. Завтра придёте в отдел кадров по Малому Гнездииковскому переулку (он назвал дом) со всеми документами – паспортом, дипломом... Что? У вас нет диплома? – он задумался, выслушав мой ответ. – Хорошо, – сказал он, услышав от меня, что ради такого дела я готов перевер-

стись на заочный, – переводитесь, только не тяните, приходите в отдел кадров и подавайте заявление. Они в курсе.

Понимаю тех, кто поморщится от одного только имени моего покровителя. Александр Львович Дымшиц, умерший 6 января 1975 года и родившийся 12 июля 1910 года, так и остался в истории литературы с репутацией свирепого гонителя талантов. Его размолвка с Кочетовым из-за Солженицына объяснялось только благосклонностью к первой солженицынской повести Хрущёва, а Александр Львович в отличие от твёрдокаменного Кочетова всегда держал нос по ветру. Оправдывать его не собираюсь. И всё-таки повторю то, что позднее мне рассказывал о нём Владимир Михайлович Померанцев, который в одно время с Дымшицем находился в советской оккупационной зоне Германии. До создания ГДР Дымшиц практически был министром культуры зоны, которого немцы полюбили за... либерализм. Да-да, в то время он был либералом, и его коллеги в Германии (тот же Померанцев) знали его как умного, интеллигентного человека, который едко отзывался о бездарных новинках, во множестве печатавшихся в советских журналах, и сочувственно – о том немногом, что было отмечено талантом. А потом его словно подменили. Конечно, это он переменялся сам, вернувшись в Россию в самый разгар набравшей силу кампании борьбы с космополитами (читай: с евреями!). И страшно испугался этой кампании: стал клеймить заклеянных и обслуживать погромщиков.

Он выбрал для себя определённую позицию и от неё уже не отступал. Но при этом, говорил мне Владимир Михайлович, был способен на щедрые дружеские жесты. Например, когда за статью «Об искренности в литературе» Померанцева не топтал только ленивый, когда его не только не печатали, но отрезали пути к любому заработку, Дымшиц почти насильно всучил ему крупную сумму денег, категорически оговаривая, что возвращать её ему не нужно.

Чужая душа, как известно, потёмки. Помнится, как тщательно и любовно готовила «Библиотека поэта» первую после гибели Мандельштама книгу стихов этого поэта. Была написана и вступительная статья. Но министерские и цеховские чиновники добро этой книге не давали. И не дали бы, если б кому-то в редакции не пришлось в голову заказать новую вступительную статью Дымшицу. Он согласился. Конечно, книжка стала хуже, в статье было немало уксуса, но ведь книга вышла! И дала возможность другим изданиям потихоньку публиковать стихи уже не опального, а полуопального (таких изредка печатали) поэта.

Помню, как охотно откликался Дымшиц на предложения «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты» написать вступительную заметку к стихам того или иного обэриута. С таким «паровозом» стихи проходили даже через сверхбдительного зама главного редактора Тертеряна.

А, возвращаясь к Госкино, скажу, что редакторская работа, о которой говорил мне Дымшиц, оказалась попросту цензорской. На ней я пробыл недолго. И наши отношения с Дымшицем после того, как я ушёл из Комитета по кинематографии, остались очень натянутыми: мы холодно кивали друг другу при встрече и ни о чём никогда не разговаривали.

7 января

О Степане Петровиче Щипачёве (родился 7 января 1899 года) можно немало сказать хорошего, но не мало и не очень.

Две сталинские премии, которые он получил за сборник стихов (2 степень, 1950) и за поэму «Павлик Морозов» (1 степень, 1951), его не красят. Стихи в сороковых-пятидесятых он писал довольно банальные. А поэма про Павлика Морозова была конъюнктурна.

Он печатался много. Причём много – в любой период своей деятельности. Но не будь стихи часто назидательны, не будь поэмы сильно растянутым многоговорением, может быть, он и остался бы в поэзии с достойными вещами.

После смерти Сталина он, один из руководящих поэтов, был избран секретарём Московского отделения Союза писателей СССР, и на этом посту вёл себя очень прилично: добился приёма в Союз талантливой молодёжи, помог Евтушенко выезжать за рубеж.

Но окрик Хрущёва и немедленное снятие его с поста секретаря своё дело сделали. Вновь он стал функционером-бюрократом. Дошёл даже до того, что опубликовал в «Литературной газете» статью о Солженицыне «Конец литературного власовца».

А стихи, как я уже говорил, писал до самой смерти 1 января 1980 года. Писал, так и не научившись преодолевать банальность:

*Есть книга вечная любви. Одни едва
В ней несколько страниц перелистали,
Другие, всё забыв, её читали,
Слезами полили слова.
Её читают много тысяч лет.
От строк её и мне покоя нет.*

Николай Михайлович Языков был из тех друзей Пушкина, что посетил его в ссылке в Михайловском. Пушкин писал ему:

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует...
Родня друг другу по судьбе
Они родня по вдохновенью,
Клянцусь Овидиевой тенью,
Языков, близок я тебе!*

Пушкин любил Языкова, и тот платил ему тем же. Гоголь радовался, глядя на их дружбу. Сам Гоголь тоже ценил Языкова, восхищался его стихами. Любил их цитировать.

Тем более что с начала тридцатых годов Языков стал проникаться религиозными настроениями, что Гоголю было дорого. Прежде близкий к вольнолюбивым кругам, Языков сближается со славянофилами.

Пушкин, слава Богу, не застал уже Языкова, сочинившего «К ненашим» и «К Чаадаеву» (1844), – стихи, облаивающие Запад и западную демократическую модель государства.

Умер Языков 7 января 1847 года (родился 16 марта 1803-го).

Оставил немало хороших стихов. Вот – из лучших:

*Когда, гремя и пламеня,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И Бога слышала она!
Так гений радостно трепещет,
Свое величье познаёт,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полёт;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!*

8 января

В книге Николая Митрохина «Русская партия» (2003) фамилия Смелякова мелькает среди тех, кого поддерживала «группа Павлова», первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Она, как рассказывает Митрохин, стремилась «поощрять писателей из „прорусской“ фракции Союза писателей – М. Шолохова, М. Алексеева, Л. Леонова, Л. Соболева, Я. Смелякова, В. Фирсова и других». Или в связи с тем мы находим в этой книге фамилию Смелякова, что возглавляемое активистом «группы Павлова» Ю. Мелентьевым издательство «Молодая гвардия» «завязало и укрепило связи с рядом влиятельнейших писателей, поддерживавших идеи русского национализма, – М. Шолоховым, Л. Леоновым, Я. Смеляковым, В. Солоухиным». Была в «русской партии» и «группа Шелепина». Она всех этих писателей тоже поддерживала.

В странной, конечно, компании оказывается Ярослав Васильевич Смеляков (родился 8 января 1913 года). В компании друзей?

Однажды он подошёл ко мне в ЦДЛ и стал распекать меня за небольшую статейку о его стихотворении «Мальчики, пришедшие в апреле», напечатанную в московском ежегоднике «День поэзии». «Ты приписываешь мне свои мысли, – сказал он. – Ни о чём подобном, что ты написал, я и не думал». «Бывает, – ответил я. – Ещё Белинский заметил, что если бы сказали Лермонтову, о чём он написал, он мог бы удивиться и даже этому не поверить». «Ну, ты не Белинский, – сказал Смеляков. – Мне твои „левые“ мысли не нужны». «Почему „левые“?» – удивился я. «А ты что, считаешь себя „правым“?» – «Ну, какой же я „правый“!» «Вот-вот, – подхватил Смеляков. – Чего вы, „левые“, лезете ко мне? Читал, небось, книжку, которая недавно обо мне вышла? Тоже одного „левого“!» – И, распаясь: – Да оставьте вы меня в покое! Пишите о других!».

«Левые» и «правые» в то время обозначали абсолютно противоположное теперешнему явление. «Правыми» назывались литераторы, поддерживающие коммунистический режим и, коль скоро я пишу сейчас об этом, его националистические идеи.

А книга, о которой говорил Смеляков, принадлежала Станиславу Рассадину. Я пересказал ему однажды тот, забытый было за давностью лет разговор. В ответ он сослался на Александра Межирова, который будто бы видел, как Смеляков полистал книгу Рассадина, бросил её на стол и заплакал: «Он ненавидит моё поколение!»

– Правда, Саша мог и приврать! – сказал Стасик.

Да уж за Межировым ходила эта слава – неистощимого фантазёра!

Стасик задумался и сказал:

– Слушай, а ведь твой рассказ многое в Смелякове объясняет. Ты читал книгу Данина «Бремя суда»?

И Рассадин показал мне то место в книге Даниила Данина, где он вспоминает о своей рецензии на «Кремлёвские ели» – первую книгу Смелякова, выпущенную им после очередной отсидки. Шёл 1949 год. Рецензию обмыли. Смеляков ей очень радовался. Но через некоторое время выступил Фадеев, назвал её «эстетским захваливанием». И редакции, приветившие было Смелякова, перестали его печатать. Разъярённый Смеляков обрушился на Данина: «Зачем ты написал эту статью?» «Ты с ума сошёл?» – спросил тот. «Я-то не сошёл, но вот ты о моей судьбе подумал? Теперь меня снова не будут печатать. Мне надо было жить в незаметности, а что делать после твоей сволочной статьи?»

Страх дважды отсидевшего до этого в лагере Смелякова был очень понятен. И кто знает, не сыграла ли свою роль «сволочная статья» Данина в том, что Смеляков снова был посажен? Наверняка этого утверждать, конечно, нельзя, как нельзя согласиться с испугавшимся Смеляковым в том, что его спасением было жить в незаметности. В преддверии нового Большого Террора, который готовил Сталин после войны для своих подданных, было приказано вновь

арестовывать уже отсидевших. Так что долго жить в незаметности у Смелякова, скорее всего, не получилось бы!

Но какое это имеет отношение к тому, что он оказался в той компании, которую привечала антисемитская комсомольская, а потом и партийная аппаратная группа? Самое прямое. Наученный жизнью, он и не собирался опровергать её мнения о собственной причастности к этой компании. Его одаривали: дали государственную и комсомольскую премии. Он стал литературным метром, занял фадеевскую дачу в Переделкине, сидел в президиумах всевозможных пленумов, съездов и совещаний.

И только иные его стихи, которые он писал, показывали, что компания, к которой его пристегнули, состояла не из друзей его, а из нужных ему людей. Но в стихи надо было углубляться, надо было их разбирать, извлекать из них мысли, отличные от мировоззрения всей компании. Потому и злился он на «левых», что те замечали, предавали гласности то, что он старался упрятать, сохранить в незаметности!

Тем более что ему в этом помогала цензура. Не пропускала его лучшие стихи. Вот это, например, – «Голубой Дунай», названное так в честь переделкинской забегаловки на станции, – напечатано уже значительно после его смерти, случившейся 27 ноября 1972 года:

*После бани в день субботний,
отдавая честь вину,
я хожу всего охотней
в забегаловку одну.
Там, степенно выпивая,
Я стою наверняка.
В голубом дыму «Дуная»
всё колеблется слегка.
Появляются подружки
в окружении ребят.
Всё стучат сильнее кружки,
колокольчики звенят,
словно в небо позывные,
с каждой стопкой всё слышней,
колокольчики России
из степей и от саней.
Ни промашки, ни поблажки,
чтобы не было беды,
над столом тоскует Машка
из рабочей слободы.
Пусть милиция узнает,
ей давно узнать пора:
Машка сызнова гуляет
чуть не с самого утра.
Не бедна и не богата
— четвертинка в самый раз —
заработала лопатой
у писателя сейчас.
Завтра утречком стирает
для соседки бельецо
и с похмелья напевает
что потеряно кольцо.*

*И того не знает, дура,
полоскаючи бельё,
что в России диктатура
не чужая, а её!*

В своё время князя Петра Владимировича Долгорукова (родился 8 января 1817 года) подозревали в том, что он изготовил знаменитый диплом рогоносца, направленный Пушкину и в конечном счёте послуживший причиной гибели поэта.

Несколько раз проводили графологические экспертизы. В 1927 году некий судебный эксперт, Алексей Андреевич Сальков, нашёл, что авторство Долгорукова несомненно.

Однако у дипломата Г. В. Чичерина экспертиза вызвала сомнение. Вместе с П. В. Щёголевым он не согласился с Сальковым. Повторную экспертизу провёл в 1966 году эксперт В. В. Томилин. Тот уверенно отвёл авторство Долгорукова, но высказал предположение, что диплом писал И. С. Гагарин, который одно время сожительствовал с Долгоруковым.

Надо сказать, что и Гагарин, и Долгоруков стали эмигрантами. Поэтому кое-каким советским кругам очень хотелось, чтобы пасквильянт, ненавидящий Пушкина, был бы найден в кругу эмиграции.

Но из этого ничего не вышло. Экспертиза, организованная историком-археографом Г. Хаитом и проводившаяся сотрудниками Всесоюзного НИИ Судебных экспертиз, нашла, что диплом написан не Долгоруковым и не Гагариным, а «третьим лицом».

Что же до Долгорукова, то не так давно – в 80-х годах прошлого века в экземпляре «Воспоминаний» Ф. Булгарина, принадлежащего Долгорукову, обнаружили примечания, сделанные рукою князя. В них Долгоруков опровергает Булгарина, стремящегося после смерти Пушкина, «уколоть его побольнее. Так сказать, в памяти потомства».

В 1840 году под псевдонимом «граф Альмагро» Долгоруков издал в Париже на французском языке «Заметку о главных фамилиях России», где раскрыл немало исторических фактов, порочащих русское самодержавие и аристократию.

Вольнодумство Долгорукова раздражило Николая. Князь был вызван из-за границы и сослан в Вятку в 1843 году, но через год освобождён с запрещением проживать в столицах.

В 1854 году Долгоруков завершил ревизию и пополнение ранее опубликованного родословного сборника и приступил к публикации «Российской родословной книги» – наиболее полного в XIX веке изложения генеалогии русского дворянства. Вышло 4 тома, после чего Долгоруков уехал в эмиграцию и публикация «родословной книги» прекратилась.

За границей Долгоруков издал книгу «Правда о России», содержащую резкую критику правительства. В ответ он был лишён гражданства, княжеского титула, состояния. И вот тут-то волшебным образом и появилось обвинение Долгорукова в том, что он написал пасквильный диплом Пушкина.

В 1867 году он напечатал на французском языке свои «Записки», которые были переведены и напечатаны на родине только через 140 лет.

Свой богатый архив Долгоруков завещал другу Герцена, польскому эмигранту С. Тхоржецкому. Тот, не имея средств для публикации, продал архив в 1869 году при условии обязательного их обнародования подполковнику Постникову, который, как выяснилось, был агентом Третьего отделения. Рукописи Долгорукова были привезены в Россию и поступили в архив Зимнего дворца, где их в советское время обнаружил Н. Я. Эйдельман.

Умер князь Пётр Долгоруков 18 августа 1868 года.

С отрывками из не совсем обычных мемуаров этой мужественной женщины читателя познакомил перестроечный «Огонёк». А необычность заключалась в том, что Евфросиния Антоновна Керсновская (родилась 8 января 1907 года) свою рукопись сопровождала удивительными рисунками, выполненными в дадаистской манере.

Рисунков было 700, а рукопись насчитывала 2200 страниц (от руки). Полностью эти мемуары опубликованы только в 2001—2002 годах.

Их семья оказалась в Бессарабии, которая в то время была частью Румынии, когда бежала от ЧК из Одессы. Однако 28 июня 1940 года СССР аннексировал Бессарабию и сразу же начал там репрессии.

Евфросиния Керсновская работала до этого на сельскохозяйственных работах. Была человеком зажиточным: работать она умела от зари до зари. Кроме того, она нередко нанимала соседей, помогавших ей трудиться в поле.

НКВД объявил её бывшей помещицей, всё отобрал и выгнал на улицу. Она устраивалась работать по частному найму: работать с людьми ей было запрещено.

Получив советский паспорт, она на выборах перечеркнула бюллетень, увидев среди кандидатов бывшую проститутку.

14 июня 1941 года её и других арестованных поместили в товарные вагоны и через месяц привезли в Нарымский край (теперь Тюменская область).

Её определили на лесоповал, где постоянно не давали выполнить норму, – заставляя голодать.

В феврале 1942 года она заболела, но ей отказались выдать освобождение от работы. И тогда она бежала. Одна через всю Западную Сибирь. За 6 месяцев она прошла 1500 километров.

24 августа 1942 года её из-за отсутствия документов задержали. Переправили в пересыльную тюрьму Новосибирска, и всю зиму 1942 года она провела в неотопляемой камере предварительного заключения. Она отказалась что-либо подписывать. Тогда, чтобы выбить из неё признание «вины» ей дали лист бумаги, на котором предложили написать просьбу о помиловании. Но она написала: *«Требовать справедливости – не могу, просить милости – не хочу. Дон-Кихот»*.

Выездная сессия Нарымского суда в Новосибирске приговорила её к расстрелу, который в феврале 43 года заменили 10 годами лагерей и последующей ссылкой на 5 лет.

В 1944-м ей дали ещё 10 лет за «контрреволюционную агитацию».

В 1952-м освободилась в Норильске, работала шахтёром на угольных шахтах. После окончательного освобождения переехала в Ессентуки, где в 1964—1968 писала мемуары.

В 1982 году они распространялись через самиздат, пока перестройка не сделала их достоянием общественности.

Читать эти мемуары тяжело из-за огромного сочувствия, которое вызывает к себе их автор.

С другой стороны, читать их безумно интересно из-за чудесного живого языка, на котором пишет Керсновская.

На основе этих мемуаров снято два документальных фильма Владимира Мелетина «Евфросинья Керсновская: Житие» (2008) и Григория Илугдина «Альбом Евфросинии» (2006).

Умерла Керсновская 8 марта 1994 года.

К этому писателю относятся по-разному. Были у меня когда-то студенты, которые на дух не принимали прозу Андрея Белого (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева). Доказать, чем хороша его проза, я им не мог. Потому что, по правде, она мне тоже не слишком нравилась. Не люблю писателей-философов. Шкловский говорил, что Пильняк – тень от дыма, если Белый – дым. Но мне тень была понятней дыма.

А вот стихи его мне нравились:

*Уж с год таскается за мной
Повсюду марбургский философ
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.
Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши её, игриво
На робкий роковой вопрос
Отвечает философ этот,
Почёсывая бледный нос,
Что истина, что правда... – метод.
Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой чёрный плащ,
Шагает тёмным силуэтом;
Тряхнёт плащом, как нетопырь,
Взмахнувший чёрными крылами...
Новодевичий Монастырь
Блестит ясными крестами:
– Здесь мы встречаемся... Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В поля зазеленевший дым,
Глядим на Воробьёвы горы.
«Жизнь, – шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могил, —
«Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок!..
Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений»...
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.
Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий. —
И бьются на венках, звеня,
Фарфоровые незабудки.
Как будто из зелёных трав
Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв*

Моргают жёлтыми очами.

На смерть Белого (он умер 8 января 1934 года) отозвался Мандельштам:

*Голубые глаза и горячая лобная кость —
Мировая манила тебя молодящая злость
И за то, что тебе суждена была чудная власть,
Положили тебя никогда не судить и не клясть.
На тебя надевали тиару – юрода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!
Как снежок на Москве заводил кавардак гоголёк:
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...
Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щеглёнок, студентик, студент, бубенец...
Конькобежец и первенец, веком гонимый взаишей
Под морозную пыль образуемых вновь надежей.
Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь,
Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?
Прямизна нашей речи не только пугач для детей —
Не бумажные дести, а вести спасают людей.
Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мёртвого жирные карандаши.
На коленях держали для славных потомков листы,
Рисовали, просили прощенья у каждой черты
Меж тобой и страной ледяная рождается связь —
Так лежи, молодец и лежи, бесконечно прямясь.
Да не спросят тебя молодые, грядущие те,
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте...*

А родился Белый 26 октября 1880 года. Прожил 53 года.

Ефим Николаевич Пермитин (родился 8 января 1896 года) воевал в Гражданскую в Сибири против колчаковцев. Был ранен.

Первый рассказ напечатал в барнаульской газете «Жизнь Алтая» (1921). В 1923 в Усть-Каменогорске выпускает первый в стране журнал «Охотник Алтая».

В 1925 в Новосибирске возглавил журнал «Охотник и пушник Сибири», где печатает первую свою повесть «Капкан». Повести, написанные позже, вошли в его роман «Горные орлы» (1951).

В 1938 был арестован и провёл в ссылке 6 лет (до 1944 года). Но в 1954 снова приезжает на Алтай. На этот раз с эшелоном первоцелинников, которым посвятил роман «Ручьи весенние».

С конца 1956 года писал автобиографическую трилогию: «Жизнь Алексея Рокотова»: «Раннее утро» (1956), «Первая любовь» (1962), «Поэма о лесах» (1969).

В 1970-м был избран секретарём Союза писателей РСФСР и тут же получил Госпремию за трилогию «Жизнь Рокотова».

А через год – 18 апреля 1971-го скончался.

Как писатель, может быть, запомнился только землякам. Проза его декларативна и мало-привлекательна.

Вот прекрасный поэт Владимир Николаевич Корнилов, мой друг, увы, уже больше десяти лет ушедший от нас: умер 8 января 2002 года.

С ним у меня связано воспоминание о нештатной работе в 1965 году в «Семье и школе», где мы с ответственным секретарём журнала Петром Ильичём Гелазонией, пробивали мало проходимые по тем временам литературные произведения. В этом нас поддерживал член редколлекции Владимир Михайлович Померанцев.

Поначалу нам это удавалось. Настолько, что мы впали в эйфорию.

Эйфория наша длилась, однако, очень недолго. Причём споткнулись мы, а потом упали совершенно неожиданно: никак не ожидали, что гром грянет с почти безоблачного неба.

Мы напечатали подборку стихов Владимира Корнилова, среди которых мне особенно нравились стихи об Ахматовой. Они сейчас очень известные: «*Ваши строки невесёлые, / Как российская тицета, / Но отчаянно высокие, / Как молитва и мечта, / Отмывали душу дочиста, / Уводя от суеты, / Благородством одиночества / И величием беды*», ну и так далее: их легко найти в корниловских книжках.

Но то стихотворение, которое нам вышло боком, Корнилов (родился 29 июня 1928 года) потом никогда не перепечатывал. Даже когда рухнула советская власть, и его восстановили в союзе писателей, и он получил возможность доносить до нового читателя все свои прежние вещи. Мне он объяснил, что не печатает «Пса», потому что Лара (его жена и взыскательный читатель), не очень любит, когда он в стихах погружается в быт. Я очень ценю Ларин вкус, но здесь позволю себе с ней не согласиться. По-моему, стихотворение, которое привожу по памяти, замечательное:

*Пёс был шелудив и глуп,
Тощ и плюгав.
Пил из водосточных труб,
Жрал – из канав.
Непонятливый, никак
Взять не мог в толк,
Что хоть сто таких собак
Мог кормить полк.
А в полку у нас врачом
Дама была.
Мы перед ней стояли в чём
Мать родила,
Еле вытерпев позор,
Лезли в бельё.
Ну так вот. Из-за неё
Вспыхнул сыр-бор.
Увидала как-то раз
Лекарша пса
И пошла и завелась
На полчаса: —
Что за пёс? откуда пёс?
Что вам здесь – цирк?*

*Не хватало, чтоб занёс
Всяких бацилл!
А дежурным по полку
Был капитан.
Топал с шашкой на боку,
Плац подметал.
Заспешил на дамский клич,
Как джентльмен,
И ослабился, как хлыщ:
– Это в момент!
Пёс в щенячьей простоте
Не понимал.
А начальник пистолет
Приподымал.
По науке совмещал
С мушкой прицел.
Пёс лежал и не мешал,
Скучно глядел.
...Тонны в полторы удар
Вбил, вдавил в пыль.
Снайпер подмигнул: как дал?
Как, мол, убил?..
Но врачиха сникла вдруг:
Что ж тут смотреть...
Всё-таки не по нутру
Женищине – смерть.
...Вот и всё. Сошла, журча,
Дюжина лет.
Думаю, того хлыща
В армии нет.
Думаю, теперь урод
Малость поблёк:
Возглавляет гардероб
Или ларёк.
Женищины и не глядят
На дурака,
А жена – он был женат —
Ставит рога.
Думаю, забыл всю спесь,
Жалок стал, льстив
Думаю, что так и есть:
Мир справедлив!*

Казалось бы, что здесь можно оспорить? К чему прицепиться? Позиция поэта кристально чиста. Его приговор бездушному негодяю понятен и естественен. Вот стихи, которые добавляют человеческим душам гуманности, и потому они особенно уместны на страницах журнала, который называется «Семья и школа»!

Оказалось, что именно на его страницах они особенно неуместны. Потому что существует такое святое для каждого советского человека понятие, как «военно-патриотическое

воспитание». Об этом нам напомнила «Красная звезда», напечатавшая обширную злобную реплику некоего майора. Где в советской армии, возмущался майор, автор нашёл такого капитана? Что это как не попытка подорвать доверие читателей к овеянному славою советскому офицерству? По какому праву автор и, очевидно, разделяющая его мнение редакция... Впрочем, запал майора, которого сейчас тоже пересказываю по памяти, стандартен и шаблонен: так писали, когда жаждали крови, когда были убеждены, что кровь обязательно прольётся!

И не ошиблись. «Красная звезда» была органом всемогущего ведомства – политуправления армии. Её критика ничего другого, кроме оргвыводов не требовала. И спешно созванное совместное заседание коллегии Министерства просвещения и президиума Академии педагогических наук их немедленно сделало. Орлов получил выговор, Померанцева из редколлегии вывели (или добились, чтобы он сам из неё вышел, – не помню). Искали, конечно, стрелочника. Но я в штате не работал. И было понятно, что в обозримом будущем меня туда и не возьмут.

Зоя Ивановна Воскресенская по карьерной лестнице стала подниматься с 1923 года с должности политрука в колонии малолетних нарушителей.

Уже в августе 1929-го она работает в Иностранном отделе ЛГПУ, то есть во внешней разведке.

Была отправлена в Харбин, где два года выполняла ответственные задания ОГПУ во время острейшей борьбы на КВЖД.

В 1932 возглавляла Иностраный отдел постоянного представительства ОГПУ в Ленинграде.

С 1935 по 1939 – заместитель резидента разведки НКВД в Финляндии. Официально исполняла функции представителя Интуриста в Хельсинки под фамилией Ярцева. В 1936 году резидентом в Финляндию (под прикрытием должности консула) приехал Б. А Рыбкин. Поначалу у резидента и зама отношения не сложились. Когда разгневанный Центр приказал Воскресенской готовиться к отъезду, в ответ пришла просьба обоих: они просят пожениться.

И поженились.

В дальнейшем Воскресенская-Рыбкина до самой финской войны взаимодействовала с Павлом Анатольевичем Судоплатовым, за которым уже тогда числилось немало дел (убийство Троцкого, например).

Перед самой войной с Финляндией вернулась в Москву и занималась аналитической работой: обрабатывала информацию, которая к ней стекалась.

С 1941 по 1944 была пресс-секретарём советского посольства в Швеции. Послом была А. Коллонтай. Обе, каждая по своей линии, содействовали тому, что Финляндия разорвала договор с Гитлером.

После войны Воскресенская продолжала работать в центральном аппарате разведки, стала начальником немецкого отдела, выезжала со спецзаданиями в Берлин.

В 1947 году в автомобильной катастрофе погиб муж Воскресенской Рыбкин.

В 1953 году выступила в суде в защиту Судоплатова, которому вменялось много преступлений, в частности, организация убийства Михоэлса. Судоплатова посадили во Владимирскую тюрьму, где тот перенёс 3 инфаркта и стал инвалидом 2-й группы.

Однако реабилитации в 2002 году добился. Хотя общество «Мемориал» считает, что реабилитации он не заслуживал.

А Воскресенская была уволена из разведки. Поскольку она просила оставить её в органах до наступления пенсионного возраста, её направили начальником спецчасти в Воркутлаг, где прослужила около двух лет.

Выйдя на пенсию и узнав, что её рассекретили, она написала книгу «Теперь я могу сказать правду. Из воспоминаний разведчицы». Книга вышла в год её смерти. Она умерла 8 января 1992 года (родилась 28 апреля 1907 года), а в это время уже тиражи книг стремительно падали.

О тех, что у неё были прежде, ей полковнику, кавалеру многих боевых орденов, можно было только мечтать.

Ведь прежде с 1962 по 1980 год её книги были опубликованы тиражом в 21 миллион 642 тысячи экземпляров.

Почему – понятно. В детской литературе она занималась ленинской темой. Её госпремия СССР получена за сценарий и литературную основу фильма «Сердце матери» – о матери Ленина. А премия Ленинского комсомола за книгу «Надежда» (как звали жену Ленина?).

В общем, сумела ловко устроиться не только в органах разведки.

9 января

Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже «Дни Турбиных» – рыба. Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое лёгкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путём создания могущих её заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. А соревнование – дело большое и серьёзное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы.

Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она даёт больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав своё дело окончательно проигранным, – значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь», «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?

Цитата из письма Сталина Владимиру Наумовичу Билль-Белоцерковскому (родился 9 января 1885 года), написавшему вождю клязду на Художественный театр и его режиссёра Голованова, который отдаёт предпочтение Булгакову и даже поставил его контрреволюционную пьесу «Бег».

Насчёт «Бега» Сталин согласен:

«Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, – стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление».

Правда, Сталин выдвигает и условия, при которых «Бег» может оказаться на театральной сцене:

«Впрочем, я бы не имел ничего против постановки „Бега“, если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам ещё один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему „честные“ Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою „честность“), что большевики, изгоняя вон этих „честных“ сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно».

Мы знаем, что никаких сталинских условий Булгаков принимать не стал, но и Билль-Белоцерковский не добился желаемого результата своей кляздой. Наоборот. Ответ Ста-

лина заставил театральных бюрократов озаботиться (ненадолго!) судьбой безработного, почти не имеющего средств к существованию Булгакова.

Что же до самого Билль-Белоцерковского, то стоит послушать его сына, известного правозащитника, эмигрировавшего из России при Брежнев:

Расскажу вкратце о литературной карьере отца. Он написал 14 пьес и том рассказов из западной и морской жизни. Некоторые из его пьес шли за границей. В Германии на рубеже 30-х годов большим успехом пользовалась комедия «Луна слева». Впервые её поставил в Берлине известный немецкий режиссер Эрвин Пискатор, а потом она шла и во многих других немецких театрах. У нас дома хранился толстый альбом вырезок из немецких газет с рецензиями на эту пьесу.

Но самое выдающееся произведение отца – пьеса «Шторм». В 20-е годы она шла по всей стране, а потом и за рубежом. В архиве отца я нашёл журнал «Театр» за 1928, кажется, год. Там был напечатан список наиболее «гонимых» писателей, и возглавлял его отец! А конкуренция тогда была мощная. В выборе репертуара театры были совершенно свободны – широко шла классика и много кассовых, развесёлых штучек. Во МХАТе, к примеру, блистала пьеска под названием «Сара хочет негра». И там же шла «Белая гвардия» Булгакова. Но со «Штормом» тогда никто не мог конкурировать.

Конечно, определение сыном пьесы отца выше булгаковской ничем, кроме проявления родственных чувств, не объяснишь.

Сын упирает на то, что отец вышел в 1928 году из РАППа, и рапповцы обратились к Сталину за разрешением расправиться с изменником. Сталин им ответил:

«Много ли у вас таких революционных драматургов, как т. Б.-Белоцерковский?.. Неужели вы сомневаетесь, что ЦК не поддержит политики уничтожения Б.-Белоцерковского, проводимой „На литпосту“? За кого же вы принимаете ЦК? Может быть, в самом деле поставить вопрос на рассмотрение ЦК? По-дружески советую вам не настаивать на этом: невыгодно, – провалитесь наверняка».

Но, взглядываясь в биографию Билль-Белоцерковского, мы видим приспособленца, бесконечно передельывавшего свой «Шторм» по пожеланиям властей имеющих. Да и выход из РАППа ничем ему не грозил. Лично к нему Сталин относился хорошо.

Объективно говоря, Билль-Белоцерковский был человеком не без таланта. Но он растерял его, обслуживая властную верхушку.

Даже потрянул стариной – написал после значительного перерыва пьесу «Цвет кожи» (1948), чтобы внести свой вклад в антиамериканскую кампанию.

Умер 1 марта 1970 года.

Виталий Яковлевич Виленкин (родился 9 января 1911 года) один из крупнейших наших театроведов, летописец Художественного театра. Будучи заведующим кафедры искусствознания Школы-студии МХАТ, он стал участником осуществления идеи Театра молодого актёра, которые составили воспитанники Школы-студии, и который через некоторое время стал Театром-студией «Современник».

Но для меня Виталий Яковлевич прежде всего автор книги «В сто первом зеркале» – чудесных воспоминаний о встречах с Анной Ахматовой, о её жизни, о разговорах с ней.

С Сергеем Григорьевичем Козловым мы впервые встретились в кабинете поэта Евгения Храмова, который работал тогда литконсультантом «Юности». «Юность» находилась на пятом этаже дома №30 на Цветном бульваре, откуда она потом уедет, уступив этот пятый этаж «Литературной газете», куда я через десять лет приду работать.

А тогда в 1957-м Храмов нас вызвал, потому что ему понравились наши стихи, которые мы оба послали по почте. После дружелюбного разговора мы с Козловым зашли в магазин, купили бутылку коньяка, закуски и отправились к нему домой в огромную – метров 30 – комнату в общей квартире дома недалеко от Театра Юного Зрителя.

До сих пор помню начало стихотворения Козлова, которое он прочитал мне тогда:

*Знают коровы рыжие
И воробей в саду,
Что те, кто зимою выживут
Весною не пропадут.*

И конец:

*Но даже и листья красные
Не знают, как и колосья,
Что лучше любить напрасно,
Чем не любить вовсе*

Долго не расставались: читали друг другу стихи, болтали и распростились друзьями, пообещавшими друг другу встретиться в понедельник в Центральном доме культуры железнодорожников, куда нас обоих направил Храмов, позвонив Григорию Михайловичу Левину – поэту, который в этом клубе вёл литературное объединение «Магистраль».

Меня «Магистраль» очаровала, Серёжа отнёсся к ней более сдержанно. Сказал, что пишет не хуже любого из выступивших поэтов. Мне это показалось неуместным бахвальством.

Но его стихи в «Магистрале» приняли неплохо. И поначалу он не пропускал занятий, выезжал вместе с другими выступать в дома пионеров или в парк культуры. А потом стал потихонечку исчезать.

Однажды, развернув какую-то из московских газет, я сразу увидел заголовок «Стихи Сергея Козлова». Его представлял Сергей Михалков. Удивило, что Козлов, оказывается, детский поэт.

А потом стали выходить его небольшие детские книжки. Потом я увидел мультфильмы по сценариям его сказок. И понял: он нашёл в этом призвание.

Ёжик и Медвежонок стали его любимыми персонажами, сколько он написал о них рассказов и сказок. А киновариант сказки «Ёжик в тумане», осуществлённый Юрием Норштейном, является одним из лучших мультфильмов за всю историю этого жанра.

Умер Сергей Козлов 9 января 2010 года (родился 22 августа 1939-го).

10 января

Лев Фёдорович Федотов (родился 10 января 1923 года) стал известен благодаря своим дневникам, которые вёл в школе и позже.

Его отец был профессиональным революционером, и они получили квартиру в знаменитом «доме на набережной», как назвал его живший в нём Юрий Трифонов.

Они и учились вместе – в школе имени Белинского на Софийской набережной.

В 1941-м Лёва кончил 9-й класс, в декабре 1941-го уехал с мамой в эвакуацию. В Татарию, и несмотря на сильную близорукость и слабое сердце стал обивать пороги военкомата, просясь на фронт.

В апреле 1943-го его призвали, направили под Тулу, но воевать ему не пришлось. 25 июня 1943 года грузовик, в котором ехал Лёва, попал под бомбёжку. Юноша погиб.

О том, что Лёва вёл дневник, знали многие. В том числе, и друг детства Лёвы, писатель Юрий Трифонов, который списал с Лёвы своего персонажа романа «Дом на набережной» Антона Овчинникова (1976).

В 1980 Трифонов попросил у матери Федотова на время дневник сына. Он хотел использовать его записи в пьесе «Дом на набережной», которую писал для театра на Таганке.

В дневнике от 5 июня 1941 года Федотов записал:

Я, правда, не собираюсь быть пророком, но все эти мысли возникли у меня в связи с международной обстановкой. А связать их, дополнить помогли мне логические рассуждения и догадки. Короче, будущее покажет.

И будущее показало.

Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твёрдо уверен, что всё это только видимость. Тем самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину...

Рассуждая о том, что, расовав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет долго ждать, я приобрёл уверенность, что лето этого года у нас в стране будет беспокойным. Я думаю, что война начнётся или во второй половине этого месяца, или в начале июля, но не позже, ибо Германия будет стремиться окончить войну до морозов. Я лично твёрдо убеждён, что это будет последний наглый шаг германских деспотов, так как до зимы они нас не победят. Победа победой, но вот то, что мы сможем потерять в первую половину войны много территории, это возможно.

Честно фашисты никогда не поступят. Они наверняка не будут объявлять нам войну. А нападут внезапно и неожиданно, чтобы путём внезапного вторжения захватить побольше наших земель. Как ни тяжело, но мы оставим немцам такие центры, как Житомир, Винница, Псков, Гомель и кое-какие другие. Минск мы, конечно, сдадим, Киев немцы тоже могут захватить, но с непомерно большими трудностями...

О судьбах Ленинграда, Новгорода, Калинина, Смоленска, Брянска, Кривого Рога, Николаева и Одессы я боюсь рассуждать. Правда, немцы настолько сильны, что не исключена возможность потерь даже этих городов, за исключением только Ленинграда. То, что Ленинград немцам не видать, в этом я твёрдо уверен. Если же враг займёт и его, то это будет лишь тогда, когда падёт последний ленинградец. До тех пор, пока ленинградцы на ногах, город Ленина будет наш!

...За Одессу, как за крупный порт, мы должны, по-моему, бороться интенсивнее, даже чем за Киев.

И я думаю, одесские моряки достойно всыпят германцам за вторжение в область их города. Если же мы и сдадим по вынуждению Одессу, то гораздо позже Киева, так как Одессе сильно поможет море. Понятно, что немцы будут мечтать об окружении Москвы и Ленинграда, но я думаю, что они с этим не справятся.

Окружить Ленинград, но не взять его фашисты ещё могут. Окружить же Москву они не смогут в области времени, ибо не успеют замкнуть кольцо к зиме. Зимой же для них районы Москвы и дальше будут просто могилой...
запись от 5 июня 1941.

Вчера из газет я узнал оригинальную новость: в Германии уже бывали случаи, когда высшие охранные политические органы фашистов, то есть известные всем по своей жестокости и отборной кровожадности члены «СС», проводили аресты в штурмовых отрядах. Дело в том, что мировое мнение полно слухами о разногласиях фашистской партии насчёт войны с Россией, считая её безумным шагом, а известно, что штурмовики – это младшие братья по должности самих членов «СС» и так же, как и последние, состоят из отборных фашистских элементов. Таким образом, аресты штурмовиков говорят о непрочности и шаткости фашистской клики.

Я думаю, что, когда фашисты будут задыхаться в борьбе с нами, дело дойдёт в конце концов и до начальствующего состава армии. Тупоголовые, конечно, ещё будут орать о победе над СССР, но более разумные станут поговаривать об этой войне, как о роковой ошибке Германии.

Я думаю, что в конце концов за продолжение войны останется лишь психопат Гитлер, который ясно не способен сейчас и не способен и в будущем своим ограниченным еврейторским умом понять бесперспективность войны с Советским Союзом; с ним, очевидно, будет Гиммлер, потопивший разум в крови народов Германии и всех порабощённых фашистами стран, и маргышка Геббельс, который как полоумный раб будет всё ещё по-холопски горланить в газетах о завоевании России даже тогда, когда наши войска, предположим, будут штурмовать уже Берлин.

Сегодня сводка с фронта была неплохая: было ясно, что немцы, кажется, остановились; но в их дальнейшем продвижении я не сомневаюсь. Они могут укрепиться на достигнутых позициях и перейти вновь к наступлению. От своих рассуждений, которые я излагал в дневнике 5 июня – в начале этого лета, – я ещё не собираюсь отречься.

запись от 11 июля 1941

Сегодня мы снова собрались после уроков в комсомольской комнатухе, и, пока я делал заголовок II номера газеты, Сухарева написала краткий текст I. Возились мы часов до пяти. Азаров что-то священнодействовал у стола, а Борька бездельничал и воодушевлял нас стихами.

– Мы здесь такую волюнку накрутили, – сказал я, рассматривая 1-ю газету, – что с таким же успехом могли бы обещать ребятам организованного нами полёта на Марс к Новому году!

– Вот-вот! Именно! – согласился Азаров, – ты прав! Мы именно «накрутили»!

– А чем плохая мысль? – сказал Борька, – если бы осталось место, мы могли бы и об этом написать...

– ...Только потом добавить, – продолжал я, – что ввиду отсутствия эстакад и гремучего пороха этот полёт отменяется и ожидается в 1969 году в Америке!

а эта запись – самая ранняя – от 27 декабря 1940 года.

О юноше-пророке было снято несколько телевизионных передач.

С Вольфгангом Казаком мне повезло. Я пришёл работать в газету «Литература» (Издательский дом «Первое сентября») и через некоторое время взял на работу Сергея Дмитренко. Выяснилось, что Серёжа не просто знаком с Казаком, но дружит с ним, выполняет все его поручения (а в этом смысле Казак не церемонился). Ездил по приглашению Казака в Германию и ждёт его в Москву.

Он познакомил меня с Казаком, который оказался удивительно интеллигентным и очень обязательным человеком.

Прежде всего, уезжая, он вёз с собой большую подшивку нашей газеты, которую мы ему собрали, а через некоторое время прислал нам свою большую рецензию, которую опубликовал в университетском немецком издании.

Я заказывал ему статьи. И никогда не разочаровывался, получая их. Во-первых, он очень хорошо писал по-русски. А во-вторых, он очень хорошо ощущал нашу аудиторию, которой поэтому его статьи были интересны.

Я ведь слышал о нём ещё задолго до прихода в «Литературу». В тамиздате выходил «Лексикон русской литературы XX века», который, естественно, нельзя было напечатать при советских, поскольку Казак не пропускал ни одного эмигранта, ни одного диссидента, занимавшихся литературой.

Судьба его была непростой. В восемнадцать лет он оказался на Восточном фронте и почти тут же попал к нам в плен. А из плена, естественно, в наш лагерь. Казак с благодарностью отзывался о каком-то особисте, который его пожалел. Пожалел, когда Казак, говоря на лагерном языке, стал доходить. То есть, слабнуть на почве голода и тяжёлых работ. Вот от этого его и спас особист. Казак выучился языку и, вернувшись из плена, поступил на кафедру славистики.

Потом его послали в Москву, в посольство ФРГ, работать синхронным переводчиком. Так Казак познакомился со многими сильными мира сего.

Любопытно, что из его отца, писателя Германа Казака, наши хотели сделать председателя союза писателей Восточной Германии. Но Герман из Западного Берлина сумел выехать вместе с семьёй в Западную Германию. И пришлось советской администрации на вакантное место брать поэта Иоганесса Бехера.

А Герман Казак был избран президентом немецкой Академии языка и литературы.

Вольфганг Казак после синхронного перевода в посольстве сменил работу: стал преподавать. И дошёл до должности заведующего кафедры славянской филологии и директора института славистики Кёльнского университета.

В этом университете он провёл научную конференцию-презентацию нашей газеты.

Казак был человеком с большими связями. Фонд, в который он обратился, согласился оплатить нам с Дмитренко месячное путешествие по Германии. Поездка была сказочной. Именно тогда Германия мне понравилась больше любой другой зарубежной страны.

«Лексикон» Казака был издан у нас после перестройки, пополнив семью словарей, обязательных для тех, кто занимается русским литературоведением.

Мы часто переписывались с Казаком по электронной почте.

Поэтому смерть его 10 января 2003 года (родился 20 января 1927) оказалась полной неожиданностью. Он не болел, был женат на женщине-преподавательнице йоги, сам занимался йогой. И вдруг известие о смерти!

Вечный мир и покой замечательному человеку!

11 января

Очень жаль книги «Эстетическая природа течений в зарубежном искусстве», которая была набрана, свёрстана в издательстве «Искусство» в 1964 году, и речь шла о печатании тиража. Но всё было уничтожено. Почти та же судьба и у статьи об исторических взаимосвязях ремесла, искусства и дизайна. Она вошла в сборник научных трудов ВНИИТЭ (Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики) «Техническая эстетика». Весь тираж пошёл под нож, а потом напечатан без этой статьи.

И автором уничтоженной книги, и автором уничтоженной статьи был Игорь Наумович Голомшток (родился 11 января 1929 года).

Он с самого начала зарекомендовал себя блистательным искусствоведом. Вместе с Андреем Синявским выпустил книгу «Пикассо» в 1960 году – первую книгу об этом художнике в России. Вместе с Б. Виппером – «Искусство Западной Европы» (1964). Под псевдонимом Г. Фомин и уже после отъезда в эмиграцию в издательстве «Искусство» в 1974 году вышла книга «Иероним Босх».

Летом 1964 года по приглашению Виктора Никитовича Лазарева читал курс лекций по современному западному искусству на искусствоведческом отделении МГУ.

Чем он не угодил совдепии понятно из того, что одним из его соавторов был Андрей Донатович Синявский. Он дружил с ним и с его женой Марией Розановой, художниками Борисом Свешниковым и Борисом Биргером. Помимо этого в самиздате ходил роман А. Кестлера «Мрак в полдень», переведённый Голомштоком.

В 1965 привлекался к суду во время процесса по делу Синявского и Даниэля «за отказ от дачи показаний». Его приговорили к шести месяцам принудительных работ, что фактически означало: крупный денежный штраф.

Ясно, что после всего этого стал добиваться выезда в эмиграцию. В 1972 году уехал в Великобританию. Работал на Русской Службе Би-Би-Си. Был ответственным секретарём журнала «Континент». Работал в «Синтаксисе». Издал на Западе книгу «Тоталитарное искусство». А в журнале «Знамя», 2011, №2—4 напечатал мемуарные «Записки старого пессимиста». В 2014 году издательство «АСТ» выпустило его воспоминания под названием «Занятие для старого городского: Мемуары пессимиста».

Михаил Дмитриевич Соколов (родился 11 января 1904 года) написал немного. Тем не менее его роман «Искры» (ч.1—2) отмечен в 1951 году сталинской премией 2 степени. Части 3 и 4 этого романа он написал в 1967—1968 году, когда уже ни о какой сталинской премии не могло быть речи. Но другой ему не дали.

Позже он написал ещё роман «Грозное лето» о событиях 1914 года.

А до этого написал до войны две повести и три очерка.

Но писать ему по большому счёту было некогда.

В 1922 году окончил Коммунистический университет имени Свердлова. До 1928-го был на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе. В 1928—1931 учился в Ростовском инженерно-экономическом институте. В 1931—1943 занимался руководящей работой на заводах. В 1943—1945 работал главным редактором Росиздата. С 1950-го – ответственный секретарь Ростовского отделения Союза писателей СССР, а в 1957—1975 был ещё и главным редактором журнала «Дон».

Умер тем не менее не слишком заметно. Настолько, что Сеть не сохранила ни дня, ни месяца его смерти. Умер в 1992 году.

Коля Самохин, специальный корреспондент нашей Литературной газеты по Сибири. Я был у него в Новосибирске, и мы с тех пор крепко подружились.

Он часто бывал в Москве. Привозил и дарил свои книжки, вышедшие в Новосибирске. Это были юмористические или сатирические книги. Он, кстати, был довольно частым гостем нашей шестнадцатой «литературкиной» полосы.

Вообще был хорошим, весёлым парнем.

Но вот он приехал в командировку в Москву и звонит мне из гостиницы «Урал». Она тогда располагалась недалеко от Кузнецкого Моста. Еду к нему. И вижу совершенно другого Самохина. Я ещё ни разу не видел его пьяным. Сейчас он как-то тяжело пьян.

– *Застрял*, – говорит он мне. – *Нечем платить за гостиницу.*

Даю ему денег. Спускаемся вместе к окошку администратора. Коля платит. «*Нет*, – слышу, – *я ещё не съезжаю. Вернусь!*».

Останавливаем такси. Едем в газету. Коля отмечает командировку. Его видят. Его любят. Его окружают сотрудники.

Мои потайные знаки не приглашать его выпить встречают с недоумением. Наоборот. У кого-то есть. У кого-то пьют. Коля сидит в одном кабинете. Пересел в другой. Отправился в стекляшку. Я с ним – не бросать же мне его на полпути. Пьяного привожу в гостиницу.

Утром телефон не отвечает. Еду к нему. Не могу ли я дать ему денег на билет на самолёт? Хорошо, говорю, я достану денег. Поехали в газету.

Он улетел. И через неделю от него пришёл перевод. Долг вернул.

Но мне не даёт покоя видение странного изменившегося Колю. Словно его подменили.

Вдруг узнаю, что он опять в Москве. Точнее, в Московской области. Живёт у кого-то в Голицыне. Он не звонит. Куда звонить ему, я не знаю. В отделе корсеты сказали, что он отметил новую командировку и сказал, что на день-два съездит в Голицыно к знакомым.

Прошла неделя. Коля не появляется.

И вдруг газету облетает новость: Коля Самохин повесился в лесу. Было опознание. В Москву вылетает жена.

Но и она ничего не прояснила. Что случилось с Колей? С этим весёлым, жизнерадостным, неунывающим человеком? Автором многих юмористических книг?

Коля покончил с собой 11 января 1989 года. Все вспоминали, как отмечал он в Москве своё пятидесятилетие (он родился 1 августа 1934 года). Каким весёлым и беспечным он тогда казался. Что же с ним произошло за эти пять лет?

12 января

Вадим Сергеевич Шефнер (родился 12 января 1914 года), кажется, владел одинаковым даром писать и прозу и поэзию. Причём и то, и другое писал хорошо.

Ну, разве не прелестен этот кусочек из автобиографической прозы. Время – конец Первой Мировой войны:

Помню, дома на подоконнике долго лежала железная стрела, короткая и тяжёлая, – её привёз кто-то с фронта; такие стрелы в самом начале войны немецкие авиаторы вручную сбрасывали со своих самолетов, бомб ещё не было. Тупым концом этой стрелы я колол косточки от компота. Позже, когда стало голодно, мать увезла меня в деревню к няне, в Тверскую губернию. Место было глухое; помню, зимой няня держала собаку в сенях, а меня и днём не выпускали на улицу одного: волки забегали в деревушку средь бела дня. Керосину не было, по вечерам жгли лучину – помню это не только «умственно», но и чисто зрительно. Лучину вставляли в каганец – довольно конструктивный прибор из кованого железа; огарки падали в корытце с водой. Теперь, в век атома, странно сознавать, что я видел это своими глазами, что это было именно в моей, а не чьей-то другой жизни. Так обыкновенный письменный стол, за которым пишу эти строки, превращается в машину времени. Жизнь фантастична и странна.

Читаю и думаю. А если я начну вспоминать моё детство, совпавшее с началом Отечественной. Так, наверное, и будут читать мои мемуары, как я читаю шефнеровские. Я ведь и не знал, что авиаторы бомбили объекты тяжёлыми металлическими стрелами!

Вадима Сергеевича я знал лично. Был убеждён, что он из интеллигентной семьи. Оказалось, что да, из дворянской. Но отец умер рано, и Шефнер сделался беспризорником.

У него есть об этом где-то в прозе.

Это был неунывающий человек. Очень любил свой город. Да у него и почти во всех стихах, рассказах, повестях дело разворачивается в Ленинграде.

Кстати, удивительная вещь произошла с его библиотекой после его смерти 5 января 2002 года. То есть в 2002-м он умер. А в 2010-м у мусорных контейнеров в Петроградском районе обнаружили несколько мешков с книгами, которые дарили Шефнеру. Не только такие книги были в мешках, были и другие без дарственных надписей. Но чьи они – сомнений не оставляло.

Оказалось, что родственники затеяли ремонт. В мешках было немало строительного мусора. И были мешки с книгами. Рабочие не разбирали: уходя, захватывали мешки и несли на помойку.

Слава Богу, что многое из библиотеки этого чудесного человека удалось спасти.

Он прожил долго – 86 лет. Написал много. В том числе немало «сказок для умных», как определял Шефнер свою фантастику. Написал автобиографические записки «Приобщение к профессии».

А стихи его почти всегда исповедальны и нелицеприятны. По отношению к самому себе:

*Над собой умею смеяться
В грохоте и в тишине,
Без друзей и декораций,
Сам с собой наедине.
Не над кем-то, не над чем-то,*

*Не над чьей-нибудь судьбой,
Не над глупой кинолентой —
Смейся над самим собой.
Среди сутолоки модной
И в походе боевом,
На корме идущей ко дну
Шлюпки в море штормовом —
Смейся, презирая беды, —
То ли будет впереди!
Не царя – шута в себе ты
Над собою учреди.
И в одном лишь будь уверен:
Ты ничуть не хуже всех.
Если сам собой осмеян,
То ничей не страшен смех.*

Сергей Александрович Семёнов в 1922 году выпустил роман «Голод», написанный от лица 15-летней девочки и описывающий голод 1919-го, от которого умер отец Семёнова. 9 изданий выдержал роман. И, возможно, его продолжали допечатывать и дальше, если б тему голода 1918—1920 и голода 1929—1933 не стали замалчивать.

Сергей Александрович принял участие в трёх громких экспедициях на «Сибирякове» (1932), «Челюскине» (1933—1934), «Садко» (1936). Написал книгу «Экспедиция на „Сибирякове“» (1933) и пьесу «Не сдаёмся» (1935).

А до этого несколько повестей и роман «Наталья Тарпова» в двух книгах.

Последняя его книга издана в 1970-м. Значительно после смерти. Он был батальонным комиссаром на Волховском фронте. И умер во фронтовом госпитале 12 января 1942 года (родился 19 октября 1893-го).

Его приёмным сыном является чудесный поэт Глеб Семёнов.

С Львом Александровичем Кривенко, меня познакомил Борис Балтер, который очень рекомендовал его печатать. «Это – настоящее», – говорил он о его рассказах. Так же, как и Балтер, Кривенко был автором калужского альманаха «Тарусские страницы» – своеобразного «Метрополя» тех лет, потому что подвергся не меньшему, чем в будущем «Метрополь», официальному остракизму. Сразу же после критики «Тарусских страниц» воронежский «Подъём» выломал из макета номера и вернул Лёве его «Фурье». Не спасло рассказ предисловие учителя Кривенко (и Балтера, и многих других, с которыми я познакомился и подружился именно в доме Кривенко) Константина Георгиевича Паустовского.

С этим предисловием и мы в «Семье и школе» заслали этот рассказ Льва Кривенко в набор. Но, увы. Пропустивший определённое количество радовавших нас материалов, цензор проснулся после злобной реплики «Красной звезды» по поводу опубликованного в «Семье и школе» стихотворения. О публикации засланных в набор материалов нечего было и думать. Но оплатить материалы, как не пошедшие не по вине авторов, было можно. В этом случае автору полагалось 50% от гонорара, который он получил бы за напечатанный материал.

И ответственный секретарь «Семьи и школы» Пётр Ильич Гелазония никого из тех, чьи материалы мы послали в набор, не обидел. В том числе и Лёву, любимого ученика Паустовского.

Но из всех учеников Паустовского был Кривенко человеком, пожалуй, самой несчастной творческой судьбы. Фронтовик, командир взвода автоматчиков, тяжело раненый и демобилизованный в 43-м по инвалидности, он рассказывал мне о том, как его ранило:

– Практически все успели перебраться через шоссе на другую сторону леса, оставались мы, изготовились, и вдруг заработал пулемёт. Да не пулемёт, а пулемёты. Шоссе под огневым ливнем. Пули рикошетят. Вжались в землю, лежим. Час, два, а пулемёты не смолкают. Я говорю ребятам: «И так и так плохо! Но лучше, наверное, перебежать – отделаешься пулей в заднице. А так сильно отстанем от своих – верная смерть. Или плен. Рванём», – говорю я взводу. Рванули. Меня сразу ожгло. Но быстро, быстро на другую сторону. Бежим. Полчаса несёмся как угорелые. Всё! Вот они – наши. Падаю. Голова гудит. «Все живы?» – спрашиваю. А ответа не слышу. Очнулся в полевом госпитале.

– И сколько, – спрашиваю, – выжило?

– Все! – гордо отвечает Лёва. – И ранены все. Каждый свою пулю получил. Но я, видишь как неудачно!

Пуля раздробила Лёве локтевой сустав, отчего его левая рука никогда не разгибается. Ею, согнутой в локте, он жестикулирует, когда рассказывает. Как будто рубит перед собой воздух.

Лёва описал злоключения своего взвода в повести, которая очень горячо была принята на семинаре Паустовского. Защищённая как диплом в Литинституте, она получила высшую оценку и дала возможность её автору продолжать учёбу в аспирантуре. А вот с её публикацией дело обстояло не так здорово. Московские и ленинградские журналы печатать её не решились: слишком не похоже было толкование фронтовых событий в этой повести на то, к чему стали приучать послевоенного читателя. (Вспомним, что даже получившая сперва сталинскую премию «Молодая гвардия» через короткое время была признана порочной, и её автору было предложено ввести в повествование якобы действующее в подполье партийное руководство молодёжной организацией, что Фадеев и сделал, хотя знал, что райком партии позорно бежал, когда немцы подошли к Краснодону.) Паустовский не унимался и продолжал предлагать Лёвину повесть любому объявляющему о себе областному альманаху. В результате из одного из них повесть отправилась в агитпроп ЦК, где её внимательно прочитали и добились по ней некоего закрытого постановления, пресекающего любые Лёвины попытки напечататься. Не имея ни одной публикации, Кривенко попал в чёрный список тех, кто их никогда иметь не будет.

Ничто не вечно под луною! Хрущёвская оттепель сняла табу с Лёвиного имени, и «Тарусские страницы», как я уже сказал, рассказ Кривенко напечатали. Однако эта публикация повлекла за собой новое табу. Сразу же после выхода «Тарусских страниц» по альманаху был нанесён из многих идеологических орудий мощный залп, и 75 тысяч экземпляров, заявленные в выходных данных, на самом деле не поступили в продажу: половина тиража, оставшаяся на складе издательства, была немедленно уничтожена по верховному приказу из Москвы.

Я подарил Лёве гранки нашего набора, и он подколот их к набору воронежского «Подъёма». «Тираж – 2 экземпляра», – невесело констатировал он.

Было в нём, однако, какое-то удивительное жизнелюбие, привлекавшее к нему многих. Я любил бывать у него на улице Чаплыгина в доме, где прежде находилось общество бывших политкаторжан и его издательство, выпускавшее документальные свидетельства очевидцев разного рода революционных событий. В этом же доме бывшие политкаторжане и жили. Отсюда их увезли на «воронках» славные наши чекисты после того, как общество было разогнано, а издательство закрыто. Надо ли говорить, что с советской каторги или из советских застенков большинство бывших политкаторжан не вернулось? Среди них – Александр Кривенков, отец Лёвы (почему потерялась в их фамилии «в», Лёва не знал). Семью после ареста отца уплотнили, подселили соседей.

В комнате, которую занимали Лёва с женой Еленой Савельевной (Лёлей), вечно было шумно, накурено, но чисто. Чистюля Лёля, работавшая в ведомственном журнале, весь день пропадала там, а в это время у Лёвы собиралась разношёрстная компания. Лёва курил свои папиросы и сигареты гостей, часто очень артистично читал собственные рассказы («сырой ещё, – предупреждал он, надевая очки, – ночью закончил»), иногда играл в шахматы – особенно азартно с Юрием Трифоновым (оба считали себя сильными шахматистами, впрочем, оба неизменно проигрывали Балтеру!) и, наконец, угощал друзей великим множеством баек, особенно фронтовых. Вечером возвращалась Лёля, компания уходила. Иногда – вместе с хозяином, чтобы расположиться во дворе на скамейках вокруг стола, слегка выпивать и слушать Лёвины очень живописные байки.

Уже после Хрущёва в той же Калуге стараниями Лёвиных друзей была издана первая небольшая книжка его рассказов «Голубая лодка». Через какое-то время Лёву приняли в Союз писателей. Но печатали всё так же неохотно. Толстую же свою книгу, которая вышла в «Советском писателе» и даёт более-менее неискажённое представление о его творчестве, он так и не увидел. Лёва умер рано, 12 января 1978 года, от рака. (Он родился 4 ноября 1920 года.) Книгу потом уже собрала и издала Лёля: к мёртвому писателю советская власть всегда относилась лучше, чем к живому. Может, потому ещё, что в этом случае редактор получал значительно больше воли: что-то вычёркивал, что-то заменял, а родственники умершего, как правило, вели себя куда более покладисто, чем живой автор.

Известный востоковед Игорь Михайлович Дьяконов (родился 12 января 1915 года) известен ещё и своими скандалами с коллегами.

Во-первых, его юность пришлась на годы сталинских репрессий. А это значит, что студентов (и Дьяконова в том числе) вызывали в НКВД для дачи показаний на уже арестованных.

Так из двух ассирологов, учившихся вместе с Дьяконовым, уцелел только Лев Александрович Липин. Другой Николай Ерехович был арестован и погиб в заключении. По его делу вызывали Дьяконова и Липина, которые впоследствии упрекнули друг друга в причастности к аресту и гибели товарища.

Во-вторых, научная работа Дьяконова, связанная с шумерским языком, поссорила его с академиком Василием Васильевичем Струве, в то время самым известным специалистом по шумерологии в СССР, директором Института востоковедения АН СССР.

Сперва Дьяконов выступил с несколькими статьями, пересматривающими хозяйственную систему Шумера, давно уже предложенную Струве. Струве ответил, что Дьяконов базирует свои утверждения на ошибочной трактовке некоторых шумерских слов.

В конце пятидесятых полемика между академиком и кандидатом филологических наук Дьяконовым разгорелась с новой силой. Дьяконов критиковал ранние переводы Струве.

В 1959 году Дьяконов пытался защитить докторскую диссертацию по своей книге «Общественный и государственный строй древнего Двуречья: Шумер» (автореферат её вышел ещё в 1957 г.), выбрав в качестве оппонента именно Струве. Но тот выступил с таким количеством поправок, которые Дьяконов не принял и отказался слушать. Защитить докторскую Дьяконову помог Гафуров, бывший первый секретарь ЦК компартии Таджикистана, назначенный директором Института востоковедения АН СССР.

Надо сказать, что Гафуров помог Дьяконову восстановить истину. Игорь Михайлович – действительно один из крупнейших наших востоковедов. Шумеролог, ассиролог, иранист – в каждой из этих дисциплин он сказал новое слово. Он содействовал дешифровке древней письменности и переводу её на русский язык. Он – оригинальный историк, утверждающий, что

в древности рабовладельческой формации нигде и никогда не существовало. Он перевёл Эпос о Гильгамеше для серии «Литературные памятники».

Кстати, по этому поводу Дьяконову пришлось пережить ещё один скандал. Его стали обвинять чуть ли не в плагиате отдельных кусков, якобы уже переведённых В. К. Шилейко. Скандал утих, когда в архиве семьи Шулейко нашли письмо вдовы к И. М. Дьяконову. Она пишет:

«В Вашем письме Вы спрашиваете, не сохранилось ли в бумагах Владимира Казимировича переводов других текстов Гильгамеша (помимо VI таблицы). К сожалению, нет, хотя Владимиром Казимировичем были переведены все части Гильгамеша полностью, и им об этом эпосе было подготовлено большое исследование. Но по воле рока все материалы по этой его работе пропали на его ленинградской квартире во время пребывания в Москве. Пропажа эта была тяжёлым ударом моему покойному мужу, хотя он и имел обыкновение говорить, что горевать не о чем, так как то, что не удалось завершить ему, всё равно сделают другие. И он, наверно, порадовался бы, найдя в Вашем лице себе продолжателя».

Дьяконов не был избран в Академию наук СССР, хотя состоял в академии Британской Академии наук, почётным членом Американского востоковедного общества, Королевского Азиатского общества Великобритании, Азиатского общества Франции, Американской Академии искусств.

Умер Игорь Михайлович 2 мая 1999 года.

13 января

Собственно лучше всех о Лилианне Зиновьевне Лунгиной рассказала она сама в пятнадцатисерийном фильме «Подстрочник», который сделан на основе воспоминаний Лунгиной режиссёром Олегом Дорманом и оператором Вадимом Юсовым.

Фильм появился на телевидении в 2009 году, пролежав на полке из-за позиции руководства центральных каналов ТВ 11 лет. Когда в 2010 году фильм был удостоен премии ТЭФИ-2010, Дорман не приехал получать приз, а его представитель зачитал текст: «Среди членов Академии, её жюри, учредителей и так далее – люди, из-за которых наш фильм одиннадцать лет не мог попасть к зрителям. Люди, которые презирают публику и которые сделали телевидение главным фактором нравственной и общественной катастрофы, произошедшей за десять последних лет».

Я помню Бориса Грибанова, который заведовал в Детгизе зарубежной редакцией. Он учился вместе с Лилианной Зиновьевной. Та в совершенстве знала (преподавала) французский и немецкий языки. Знала и шведский.

Грибанов сказал ей, что получить для перевода французскую или немецкую книгу – пустой номер. Как рассказывает сама Лунгина, он сказал ей, что ему не разрешают давать переводить с этих языков евреям. Узнав, что она знает ещё и шведский, он посоветовал ей почитать шведскую литературу: вдруг что-нибудь найдётся для Детгиза.

Нашлось не «что-то», а «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше» Астрид Линдгрэн. *«Я сразу почувствовала, – вспоминает Лунгина. – что перевести такую книжку – это счастье».*

Первое издание на русском «Малыша» вышло в 1967 году. Успех был бешеным, тиражи требовались огромные.

Лунгина потом перевела немало книг: Шиллера, Гамсуна, Гауптмана, Фриша, Бёлля, Ибсена, Мориака, Виана, Кюртиса. Перевела пьесы Стриндберга и философские сказки XVIII века.

Но «Малыш и Карлсон» остались, как первая любовь, как навсегда незабываемое.

В конце семидесятых – начале восьмидесятых Лунгина вела в Союзе писателей семинар молодых переводчиков. Первым результатом работы был перевод новелл Бориса Виана. В сборник, который издали, вошёл роман «Пена дней» в переводе руководительницы и новеллы в переводе участников семинара.

Надо сказать, что состав семинара был сильным. В разное время семинар посещали Мария Иосифовна Канн (в её переводе вы читали «Крёстного отца» М. Пьезо), Наталья Самойловна Мавлевич (Франсуа Эмманюэль «Человеческий фактор», Марк Шагал «Моя жизнь»), Ирина Яковлевна Волевич (Франсуаза Саган «Рыбья кровь», Фредерик Бегбедер «99 франков»).

1990-м Лунгина по-французски написала книгу «Московские сезоны», показывающую французам Россию советских времён. В книге представлены многие советские реалии, рассказывается о писателях, деятелях культуры и науки, с которыми Лунгина была знакома, повествуется о жизни автора, который представляет даже свою домработницу Мотю. За эту книгу Лунгина получила премию журнала ELLE (в переводе с французского – ОНА).

Биография у Лунгиной необычна. Так получилось, что детство она провела в Германии, Палестине и Франции. Только в 14 лет вернулась к отцу в СССР. С Давидом Самойловым училась в одном классе. Поддерживала отношения с В. Некрасовым, А. Галичем.

Её дом, как вспоминает Владимир Войнович, был открыт всем хорошим людям. Лилианна Зиновьевна и Симон Львович (муж) Лунгины были люди гостеприимные. Интересные.

Впрочем, никакой пересказ её биографии не заменят «Подстрочника», который стоит посмотреть, стоит потратить на него время. Прекрасный фильм о прекрасном человеке!

Скончалась Лилианна Зиновьевна 13 января 1998 года (родилась 16 июня 1920-го).

14 января

Ну что? Я, наверное, как все дети моего возраста в моё время, любил книгу Анатолия Наумовича Рыбакова (родился 14 января 1911) «Кортик». Его продолжение – книга «Бронзовая птица» тогда ещё не вышла, а когда вышла, она мне не очень понравилась (возможно, я её тогда уже перерос).

Потом я больше знал книги Рыбакова по названию, нежели читал их. Вся история с Крошем прошла мимо меня. Я читал в детстве ещё роман Рыбакова «Водители», но он мне показался скучным.

По-настоящему захватил меня «Тяжёлый песок». Заставил поверить в талант Рыбакова. Таковую книгу, как у него, я ещё не читал.

А «Дети Арбата» – хит перестройки, роман, принёсший Рыбакову всемирную славу, мне не понравился. Именно сталинскими главами, которые и сделали Рыбакова повсеместно известным писателем. Не понравился мне его Сталин, который всё время предугадывает события. Всё происходит так, как он об этом заранее размышляет.

В жизни даже прорицатели иногда ошибаются, а тут человек, стоящий во главе государства, не ошибается никогда. То есть взгляд писателя на него понятен: Рыбаков не любит Сталина, но признаёт его невероятный ум, неслыханную способность предвидеть события и ими руководить.

Конечно, такой комплексный взгляд отличает Рыбакова от Павленко или от Вирты. Но не очень сильно. И у Рыбакова Сталин – бог. Злой, беспощадный, бесчеловечный, но бог! То есть плюс у Вирты или Павленко сменился на минус.

Знаю, что со мной многие не согласятся. Но я и не ищу союзников. Просто высказываю своё мнение.

А писатель, судя по «Тяжёлому песку», Рыбаков был талантливый. Этого я не оспариваю. Он умер 23 декабря 1998 года.

У Юрия Иосифовича Коринца (родился 14 января 1923 года) в 1938 году расстреляли отца.

Коринец был призван в армию в 1941-м. Но его часть была разгромлена. Он пешком пришёл в Москву и, зайдя в квартиру, увидел, как чекисты уводят его мать. Бросившегося ей на помощь сына немедленно арестовали и отправили в ссылку в Караганду, где он провёл 11 лет. Мать умерла в тюрьме.

Освободившись, Коринец окончил Ташкентское художественное училище. Устроился художником в журнал «Пионер», где позже были напечатаны его стихи. Коринец поступил в Литературный институт, который окончил в 1958 году. А поскольку к этому времени у него было выпущено немало стихотворений и сказок, его приняли в Союз писателей.

В 1965 году он пишет повесть «Там вдали, за рекой», получившую на Всероссийском конкурсе первую премию. В 1967-м вышло продолжение – повесть «В белую ночь у костра».

Кроме детских стихов, которые он писал всю жизнь, он опубликовал для детей роман «Привет от Вернера» (1972), повесть «Володины братья» (1975), детскую фантастическую повесть «Заблудившийся робот» (1984).

На основе повести «Там вдали, за рекой» в 1971 году был поставлен фильм. Надо сказать, что эта повесть, и её продолжение «В белую ночь у костра», и роман «Привет от Вернера» написаны на автобиографическом материале.

Но мы тщетно стали бы искать там следы репрессий, которые выпали на долю Коринца и его родителей. Его книги написаны убеждённым большевиком, уверенным, что его жизнь прошла великолепно – среди героев и прекрасных людей.

Стихи для детей писал неплохие.

*Не было печали —
В цирк братишку взяли.
Всем в квартире с этих пор
Страшно выйти в коридор,
Хищники из-за дверей
На людей кидаются:
Это братец мой
В зверей
Перевоплощается.
То, как лев,
На грудь мне вскочит,
То, как филин,
Захохочет.
Вчера большие валенки
Надел в прихожей он
И ногу мне,
Хоть маленький,
А отдавил, как слон.
Легла я вечером в кровать,
А он меня за пятку – хватъ
И рычит: – Я тигр! —
Но мне уж не до игр...
Укротители зверей,
Приходите к нам скорей,
Укротите братца,
Чтоб не смел кусаться!*

Зоя Александровна Крахмальникова (родилась 14 января 1929 года) физически была очень красивой женщиной. Она окончила Литинститут. Я её в «Литературной газете» не застал: она уже ушла из редакции, защитила диссертацию по творчеству эстонского писателя Ааду Хинта, работала научным сотрудником института социологии АН СССР.

Но в «Литературную газету» заходила часто. Особенно в отдел литератур народов СССР, где она прежде работала.

А потом в начале семидесятых обратилась в православие и серьёзно отнеслась к религии. Печататься по этим темам в СССР было негде, поэтому она отдавала статьи в самиздат. Печаталась и за рубежом в «Гранях», в «Вестнике РХД».

По благословию иерархов Русской Православной Церкви Зарубежной стала выпускать просветительский машинописный самиздатовский журнал «Надежда». Это был популярный среди христианской молодёжи журнал, где печатались Отцы Церкви, печатался и отец Димитрий Дудко, ещё не сломленный чекистами.

Она составила 10 номеров и в августе 1982 года была арестована. 1 апреля 1983 года приговорена к одному году заключения и пяти годам ссылки, которую отбывала в Горном Алтае. Освобождена в июле 1987 в рамках горбачёвской кампании по освобождению политических заключённых.

Она написала книги «Горькие плоды сладкого плена (1988—1990), «Слушай, тюрьма!» (1985), «Русская идея матери Марии» (1997; о Марии Скобцовой, арестованной немцами за помощь евреям и погибшей в концлагере). Она отказалась от услуг бывшего своего духовника Димитрия Дудко, до самой смерти 17 апреля 2008 года стала прихожанкой Богородичного Центра.

15 января

Фамилия Александра Сергеевича Грибоедова (родился 15 января 1795 года) является перевод польской фамилии Гржибовский. Эту фамилию носил предок Грибоедова поляк, переселившийся в Россию в начале XVII века.

Уже в шесть лет Грибоедов свободно владел тремя иностранными языками. А в юности, помимо английского, французского, немецкого и итальянского, хорошо понимал латынь и древнегреческий.

В Московском университете он сперва окончил словесное отделение. Потом – нравственно-политическое. И наконец – физико-математическое.

Во время Отечественной войны 1812 года был корнетом Московского гусарского полка под руководством П. Салтыкова. Полк этот, когда французы были в Москве, находился в Казани, а при выдавливании наполеоновских войск последовал в Брест-Литовск присоединиться к разбитому драгунскому иркутскому полку и принял название иркутского гусарского.

До 1815 года служил корнетом под командованием генерала от кавалерии Андрея Семёновича Кологривова. В очерке «О кавалерийских резервах» (1814) Грибоедов описал деятельность своего начальника.

В 1815 году Грибоедов приезжает в Петербург, где знакомится с Гречем и драматургом Хмельницким.

Летом 1816 года опубликовал статью «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“» – отзыв на критические замечания Н. Гнедича о балладе Катенина «Ольга»: впервые Грибоедов обозначил свою литературную позицию.

В начале 1817 года стал одним из учредителей масонской ложи «Du Bien». Летом поступил на дипломатическую службу губернским секретарём (с зимы – переводчиком) Коллегии иностранных дел. В это же время знакомится с Пушкиным и Кюхельбекером, пишет совместно с Катениным комедию «Студент», совместно с А. А. Жандром комедию «Притворная нежность» и с А. А. Шаховским и с Н. И. Хмельницким комедию «Своя семья, или Замужняя невеста». Увы, художественной ценности эти вещи не имели.

В 1817 году произошла дуэль, которую спровоцировал Грибоедов. Он привёз в дом своего приятеля графа Завадовского балерину Истомину, где жил с ней два дня. Любовник Истоминой граф Шереметев вызвал Завадовского на дуэль. Она должна была быть «четверной»: то есть сперва стрелялись Шереметев и Завадовский, а потом секунданты Шереметева (корнет Якубович) и Завадовского (Грибоедов).

Но Шереметев получил смертельную рану, и дуэль Якубовича с Грибоедовым была перенесена на год.

В 1818-м дуэль состоялась в Тифлисе, Якубович отстрелил Грибоедову фалангу пальца левой руки. Именно по этой примете оказалось возможным опознать обезображенный труп Грибоедова, над которым глумились религиозные фанатики, разгромившие посольство России в Тегеране.

С февраля 1822 года Грибоедов – секретарь по дипломатической миссии при генерале Ермолове, командовавшем войсками на Кавказе.

В начале 1823 года покидает службу и поселяется в Москве. Но в 1825, призванный снова на службу, приезжает на Кавказ. По дороге в Грузию наведлся в Киев, где встречался с Бестужевым-Рюминым, Н. Муравьёвым, Муравьёвым-Апостолом и С. Трубецким.

На Кавказе в январе 1826-го был арестован по подозрению в причастности к делу декабристов, привезён в Петербург, но смог оправдаться. Несмотря на это, Николай приказал установить за Грибоедовым негласный надзор.

В сентябре 1826 года вернулся в Тифлис, участвует в заключении выгодного для России Туркманчайского мирного договора (1828), доставляет его текст в Петербург. Назначен министром-резидентом (послом) в Иран, по пути провёл некоторое время в Тифлисе, женился на дочери великого грузинского поэта княжне Нине Чавчавадзе, с которой провести ему было суждено всего несколько недель.

Прибыв в Персию, Грибоедов поехал в Тегеран представляться главе государства Фетх Али-шаху. Во время этого визита во дворец ворвалась толпа религиозных фанатиков, убивших членов русской миссии. Было это 11 февраля 1829 года.

Комедия «Горе от ума» была закончена Грибоедовым в 1824 году в Тифлисе. В Петербурге он оставил авторизованный список своему другу – Фаддею Булгарину. Её долго не разрешали ни к публикации, ни к постановке в театре. Но когда разрешили, она в короткое время стала классическим русским произведением, введённым в школьные программы.

Будучи ещё и музыкальным сочинителем Грибоедов оставил несколько фортепианных пьес, из которых наиболее известны два вальса для фортепиано.

О романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» знают все.

Менее известно, что в 1969 году на Ленинградском телевидении режиссёрами Розой Сиротой и Владимиром Рецепттером был поставлен спектакль по этому роману. Главную роль сыграл Владимир Рецепттер. В спектакле были заняты актёры Большого Драматического театра.

Однако Госкомитет по радио и телевидению пьесу запретил. Единственно, чего добились протестующая интеллигенция, – это закрытый просмотр фильма-спектакля в музее Бахрушина в Москве. Несмотря на почти единодушные в восторженном приёме телеспектакля, он так и не появился на экранах.

Я помню ещё «Тетрадь Володи Лапина», которая вышла в 1961 году.

Владимир Петрович Лапин (родился 15 января 1945 года) рано заявил о своём таланте. Ещё Корней Иванович Чуковский включил его стихи в книгу «От двух до пяти». Его детские стихи ценил также Маршак.

Он и в дальнейшем писал стихи превосходные:

*Странно живём: будто и впрямь воскресенье нам суждено
Будто бы в будущей жизни мы сотворим чудеса, а пока что
Лучше надолго забытья и не смотреть в окно,
Где погибает какая-нибудь букашка
Льётся и льётся: с неба, с деревьев, с плащей.
Сырость наполнила дом и нюхает наш подстаканник.
У музыканта несчастье – простужена виолончель,
И у поэта несчастье: слово разводит руками*

По-моему, замечательно. Ни на кого не похоже. Похоже только на Володю Лапина, которого после детских его стихов не стали печатать вообще.

То есть, изредка в каких-нибудь коллективных сборниках. Да и там с одним стихотворением.

Правда, два небольших сборника детских стихов «Верхом» (1976), «По калинку» (1980) всё-таки издали. Но жалели об этом. (Третий детский сборник «Гнездо» не в счёт. Это 1987 год: по стране шла перестройка!)

Отчасти это понятно. Володя был человеком редкой честности и редкого гражданского мужества. Он рано примкнул к диссидентскому движению. А это означало, что заработок будет

не всегда и в лучшем случае, если за отзыв на чью-либо рукопись в литературных консультациях.

Гораздо чаще не печатать будут, а вызывать по любому поводу. Быть диссидентом – значит иметь дело с госбезопасностью.

Володе повезло: он не был арестован. Его не ссылали и не гноили в тюремных камерах. Но и жить не давали. Кто бы рискнул из советских редакций печатать его стихи? Или его прекрасные исторические работы? Как много он напечатал во времена перестройки. Сколько журналов сразу обратились к нему, зная, что его стихи украсят их страницы.

Умер он неожиданно. 20 января 2005 года упал на улице и скончался. Не сразу поняли, что он мёртв. Поэтому не сразу и позвонили в «скорую».

Владимир Петрович не был верующим человеком. И всё же писал:

*Скользко так! Путь уже, в общем-то, пройден,
Что и таили – уже не таим;
Дай-ка мне руку: ещё и побродим
Сколько-то, или ещё постоим.
Присочинялся за долгим верстаньем
Путь наш (и он же хозяин-артист),*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.